

Девочки лета

Автор:

Нэнси Тайер

Девочки лета

Нэнси Тайер

Novel. Истории одной семьи

Жизнь Лизы Хоули складывалась чудесно. Она встретила будущего мужа еще в старших классах, они поженились, окончили университет; у Эриха была блестящая карьера, а Лиза родила ему двоих детей. Но, увы, чувства угасли. Им было не суждено жить долго и счастливо.

Лиза унывала недолго: ее дети, Тео и Джульетта, были маленькими, и она не могла позволить себе такую роскошь, как депрессия.

Сейчас дети уже давно выросли и уехали, и она полностью посвятила себя работе, стала владелицей модного бутика на родном острове Нантакет. Только вот ее любимый дом нуждается в ремонте. Лиза обращается к Маку Уитни, местному подрядчику. Между ними пробегает искра, и Лизе кажется, что она наконец сможет вновь довериться мужчине. Единственная проблема – Мак моложе ее на десять лет.

Словно сговорившись, на лето возвращаются Тео и Джульетта. Каждый из них везет домой свой багаж неудач, разочарований и страхов. Они волнуются за маму, боясь, что Мак может разбить ей сердце.

Жителям острова Нантакет предстоит пережить лето, полное сюрпризов, надежд и любви.

Нэнси Тайер

Девочки лета

Nancy Thayer

GIRLS OF SUMMER

Copyright © 2020 by Nancy Thayer

Художественное оформление Валерии Колышевой

В коллаже на обложке использованы фотографии:

© Vera Petrunina, Navistock, Sergey Novikov, New Africa / Shutterstock.com.

В оформлении суперобложки и авантитула использована фотография

© Jacek Fulawka / Shutterstock.com.

Пиктограммы на форзаце:

© Palsur, Butenkov Aleksei, nilamsari / Shutterstock.com.

Используется по лицензии от Shutterstock.com.

© 2020 by Nancy Thayer

© Vera Petrunina, Navistock, Sergey Novikov, New Africa / Shutterstock.com

© Jacek Fulawka / Shutterstock.com

© Palsur, Butenkov Aleksei, nilamsari / Shutterstock.com

© Чистякова Э., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящается Кэсси, Нико и Анджело с 44 DS [1 - 44DS – парусная яхта. – Здесь и далее примечания переводчика.]

Благодарности

Вы знали, что Джейсон Момоа на двенадцать лет младше своей жены Лизы Боне? Представьте себе! Эммануэль Макрон, президент Франции, на двадцать пять лет младше своей жены Брижит. Джон Леннон был на семь лет младше Йоко Оно.

Меня всегда восхищали подобные пары. Мы привыкли к тому, что муж должен быть старше, а жена младше, но в последнее время возраст имеет меньшее значение. Одна из моих близких друзей на семь лет старше своего мужа, другая – на шестнадцать.

Это восхищение и стало отправной точкой для «Девочек лета», и, как говорит Лиза (Лиза Холи, не Лиза Боне), хорошо знать, где ты хочешь оказаться, но иногда следует пойти в совершенно другом направлении, чтобы туда попасть.

Я безмерно благодарна моему редактору Шоне Саммерс за то, что она помогла мне оказаться именно там, где я хотела, в написании этой книги. Спасибо, Шона, за твою чуткую и проницательную редактуру.

Спасибо суперзвездам Джине Сентрелло, Каре Уэлш и Ким Хови из Penguin Random House. Лекси Бэтсайдс, Эллисон Шустер, Карен Финк, Дженнифер Родригес и Маделин Хопкинс заслуживают букетов роз за всю прекрасную работу, которую они сделали. Я так благодарна своему агенту Мэг Рули и ее помощнице Кристине Хогребе из литературного агентства Джейн Ротрозен, и они знают почему!

Спасибо Каре Маллион, моему блестящему виртуальному помощнику, и Крису Мэйсону из Novation Media, которые делают мой веб-сайт, информационные рассылки и публикации в СМИ красочными и веселыми. Сьюзан МакГиннис, я так благодарна тебе за помощь с компьютером и всем остальным. Курлетт Англин и Тоника Хосанг, я бы не смогла обойтись без вас!

Я живу на Нантакете тридцать пять лет, и жизнь на острове в сорока восьми километрах от суши в Атлантическом океане быстро меняется. Филантроп и жительница Нантакета Венди Шмидт является президентом проекта 11th Hour, сторонницей разумного использования наших природных ресурсов и руководительницей исследования океана. Венди, спасибо вам.

В прошлом году Сильвия А. Эрл, океанограф и постоянная исследовательница National Geographic, приехала на наш остров благодаря потрясающему ежегодному книжному фестивалю в Нантакете, чтобы рассказать о своей книге The World is Blue. Вы можете посмотреть ее великолепное видео Mission Blue на Нетфликсе.

Osearch – организация, которая собирает информацию о жителях океана, особенно о больших белых акулах, часто летом швартует свое исследовательское судно в Нантакете. Благодаря им у меня на телефоне есть приложение для отслеживания акул. Пока не пригодились!

Скотт Леонард из Marine Mammal Alliance Nantucket – настоящий герой, и если вы мне не верите, попробуйте сорвать паутину из пластика с перепуганного и разъяренного тюленя. Доктор Дулиттл упал бы в обморок. Вы можете увидеть некоторых спасенных Леонардом животных на их странице в соцсетях.

Независимые книжные магазины – это сердце, объединяющее читателей и писателей. Нам так повезло, что у нас есть Mitchell's Book Corner на Нантакете, и я благодарна Венди Хадсон, Кристине Макиавелли, Дику Бернсу и невероятно талантливому Тиму Эренбергу за то, что они там побывали. Спасибо Элизабет Мерритт и всему замечательному персоналу Titcomb's Bookshop на мысе.

И библиотеки! Нам невероятно повезло, что по всей стране есть бесплатные публичные библиотеки, и я выражаю всем библиотекарям огромную благодарность.

Каждый день я узнаю что-то важное от своих друзей в интернете. Способность моего сердца любить кажется бесконечной, потому что я бесконечно люблю этих друзей.

Мужество любить – вот что вдохновило меня на написание «Девочек лета». Я думаю, что жизнь – это урок, заключающийся в том, чтобы набраться этой смелости, и я благодарна друзьям и семье, которые мне в этом помогли. Обнимаю и целую Эллиаса, Фабулуса, Эммета, Энни, Сэма, Томми, Джоша и Дэвида. Шоколад Godiva для Деборы, Триш, Дины, Софии, Марты, Антонии и многогранной Сары Манелы. Моя смелая и стильная подруга Джилл Хантер Баррилл – великий мастер любви. Или великая мастерица? Как бы то ни было, она выдающаяся.

И мой муж, Чарли Уолтерс, тоже потрясающий. Мы женаты уже тридцать пять лет, и он на семь лет меня моложе. Возможно, он тоже отчасти послужил вдохновением для этой книги.

Приятного чтения!

Глава 1

Помните, мама Лизы частенько говорила: «Хорошо знать, где ты хочешь оказаться, но иногда следует пойти в совершенно другом направлении, чтобы туда попасть». Лиза знала, что мама права, потому что ее мама, как и ее папа, была учителем средней школы с большим багажом знаний и опыта. Она также

знала, что, когда они поженились, ее мама хотела пятерых детей, а отец – быть писателем. Но вместо этого они преподавали в средней школе Нантакета и завели всего одного ребенка, счастливцу Лизу, хотя и утверждали на протяжении всей жизни, что невероятно счастливы. Так что, может, они и не оказались там, куда собирались, но попали именно туда, куда должны были.

Лиза много думала о словах матери. Ее учителя всегда твердили, что она могла бы кем-то стать. Она могла бы быть астронавтом, врачом или губернатором штата Массачусетс!

Лиза вежливо благодарила их, но втайне недоумевала, почему она должна заниматься чем-то другим, кроме того, что она любила больше всего – летом приходить на пляж Серфсайд, чтобы поплавать, кататься на велосипеде по острову осенью и весной, а зимой создавать целые гардеробы для своих многочисленных кукол.

На самом деле она знала, почему должна заниматься чем-то еще – чтобы угодить своим родителям. И даже если это не было ее виной – как это вообще могло быть ее виной? – что у них больше не было детей, и отец так и не написал ни одного романа, она все равно чувствовала огромный долг перед своими родителями, людьми, которые дали ей жизнь, и эта жизнь подарила ей столько счастливых моментов. Они никогда не давили на нее, но она знала, что они многого от нее ждут и надеются. Родители водили ее на уроки скрипки и фортепиано. Уроки фигурного катания и плавания. Лиза освоила все, но не преуспела ни в чем. Она никогда не приносила домой золотую медаль, которую родители могли бы повесить над камином.

Тем не менее Лиза получала в основном пятерки по школьным предметам и в качестве волонтера участвовала в различных событиях острова. Она помогала маме убирать дом. Она помогала папе косить газон, собирать листья и снег. У нее было много хороших друзей и две лучшие подруги, и ей никогда не было скучно. Как и мама, она везде носила с собой книгу на случай, если застрянет в очереди к стоматологу или ей придется плыть на пароме на материк.

В школе у нее были друзья-мальчики, но настоящего парня у нее никогда не было, что втайне ее беспокоило. Неужели она такая неудачница? Она правда очень упорно работала ради оценок и проводила много времени за чтением и шитьем. После выпуска она узнала, что парни никогда не звали ее на свидания, потому что ее родители, те самые блистательные школьные учителя, до жути их

пугали.

Когда пришло время поступать в колледж, Лиза хотела подать документы в Технологический институт моды, но ее родители отказались отправлять ее туда. Поэтому Лиза отправилась в колледж Миддлбери в Вермонте, чтобы получить образование в сфере управления бизнесом и научиться кататься на лыжах, потому что кто знает? Может, она станет звездой в лыжном спорте.

Летом Лиза вернулась на остров работать, потому что ей нужны были деньги, а еще потому, что она любила работать в розничной торговле, особенно в магазинах одежды. Она помогала развешивать, складывать, гладить и выносить гламурные платья для женщин из высшего общества, приезжающих сюда летом. Она никогда не хотела быть одной из них. Она хотела быть хозяйкой магазина.

В колледже Лиза наконец завела отношения, хотя и несерьезные. В течение первого года ее обучения всех парней интересовали только тусовки. Они напивались, устраивали глупые розыгрыши и ржали, как ослы. В последующие годы стало немного лучше. Парни, с которыми она ходила на свидания, были мускулистыми, часто невероятно привлекательными и всегда милыми. Но чего-то все равно не хватало.

В конце октября выпускного года Лиза пошла на встречу с подругами. Северный вермонтский воздух был свежим, горы сверкали алыми и золотыми переливами, и ей казалось, будто она сидела на самом краю новой и захватывающей жизни. Вечеринка проходила в старом викторианском доме. Двери и окна были открыты, в каждой комнате был бар, и, выпив пару кружек пива с друзьями, Лиза осознала, что не ела ничего с завтрака; у нее немного закружилась голова.

Она вышла в длинный коридор, протиснулась между группами людей и оказалась в огромной старинной кухне с таким количеством петухов, изображенных на плитке, тарелках, полотенцах и разной утвари, что Лиза задумалась, не выпила ли она больше чем думала.

– Привет, – сказал незнакомый мужчина.

– О, – ответила Лиза и подумала: «Вау».

Перед ней стоял британский аристократ, точная копия молодого Хью Гранта с его растрепанными волосами – только у этого мужчины они были темные. На нем была рубашка с воротничком и голубой блейзер, на которые она искоса взглянула.

– Мне пришлось сходить на ужин с родителями, – сказал мужчина, прочитав ее мысли.

– А-а, ужин... – простонала Лиза.

– Ты голодна? Иди за мной.

Он приобнял ее за плечи и мягко направил к столу, заставленному сыром, крекерами, огромными ломтиками ветчины и другими аппетитными закусками.

Но теперь, когда Лиза была рядом с едой, есть не хотелось. Она стала еще более застенчивой, какой никогда не была в жизни, и это было для нее новинку. Один только вид этого мужчины приводил ее в растерянность.

– Кто ты? – спросила она.

Он ухмыльнулся:

– Эрих Холи. Старшекурсник, специализируюсь в экономике. И лыжах.

– Я Лиза, старшекурсница, специализируюсь в управлении бизнесом. – Она улыбнулась, наклонив голову так, что ее блестящие каштановые волосы упали ей на плечо и на грудь. «Ого, вау», – подумала она. Это случилось. Она флиртowała! – И я учусь кататься на лыжах, но у меня не очень выходит. Я гораздо лучше плаваю. Я живу на Нантакете.

Гораздо позже Лиза поймет, что те простые четыре последних слова послужат причиной огромного недопонимания. Эрих предположил, что, раз Лиза живет на Нантакете, значит, она богата. И именно богатство было тем, что интересовало Эриха больше всего.

– Здорово, – сказал Эрих.

– Очень здорово, – ответила Лиза. Она чувствовала себя очарованной, неспособной думать в словах, переполненной физическими ощущениями. Ох, этот мужчина!

Если Эрих и очаровал Лизу, то и Лиза очаровала его в ответ. Она знала, что у нее достаточно милое лицо и хорошая фигура, не говоря уже о тех блестящих темных волосах, ниспадающих ей на плечи, но все это не могло объяснить, почему в тот момент, в той переполненной людьми комнате огромного запутанного викторианского дома, расположенного на северной окраине страны, учтивый космополит Эрих Холи выбрал ее. Может быть, дело было в ее открытости и наивности, а она действительно была наивной. Может быть, это была чистая химия. Или, может быть, это оказалась, как она подумала позже, судьба, тайный план жизни, чтобы Джульетта и Тео оказались на земле.

Эрих наклонился к ней так близко, что его губы коснулись ее уха.

– Я еле тебя слышу сквозь весь этот шум. Позволь пригласить тебя на ужин.

– Спасибо, но нет. Ты уже поужинал со своими родителями, – напомнила ему Лиза и увидела быструю вспышку в его глазах, которая, как она позже узнала, была признаком того, что она его чем-то заинтересовала. Тем, что не ухватила за первую же возможность быть с ним. Тем, что ее, возможно, будет сложно завоевать.

– Но я не ел десерт, – сказал Эрих, хитро улыбаясь.

Она пошла с ним на ужин.

Чем больше она узнавала о нем, тем больше была очарована. Родители Эриха были элегантными европейцами, которые говорили на нескольких языках и владели домами в Швейцарии и Аргентине. (Многие вещи Эриха были сшиты на заказ в Лондоне, хотя Лиза и знала, что это не имеет значения. Но ей очень нравились эти вещи.) Мистер Холи работал в важном международном швейцарском банке, в названии которого было множество инициалов. Эрих планировал устроиться на работу там же. Именно этот банк был учреждением, которое помогало финансировать проекты реновации в менее богатых странах. В сознании Лизы Эрих представлял собой современное сочетание короля Артура

и Робин Гуда. В скором времени ее симпатия переросла в обожание.

У Эриха была своя квартира, и большую часть года Лиза жила с ним. Она чувствовала себя удостоенной чести готовить ему ужин, убирать кухню, стирать его белье. Каким-то образом ей удалось сохранить свои оценки на прежнем уровне, хотя теперь они едва ее заботили. Впервые в своей жизни Лиза была счастлива стать Золушкой, и только спустя время она поняла, что Эрих не только любил ее в этой роли, но он эту роль медленно, умело и незаметно ей навязал.

В апреле Эрих отправился вместе с ней в Нью-Йорк, чтобы познакомиться со своими родителями, которые только вернулись домой из деловой поездки в Вашингтон. Лизе они показались настолько чересчур вежливыми и образованными, что она по большей части молчала, скорее всего, оттого, что все трое Холи в разговоре между собой вдруг неожиданно переходили на немецкий или французский, в то время как Лиза еле помнила английский на фоне их великолепия.

Но родителям Эриха Лиза понравилась, и в мае, прямо перед выпускным, Лиза пригласила Эриха домой, чтобы познакомиться со своими родителями. Эрих считал, что семья Лизы была образцом старого богатства с забитым книгами домом в стиле древнегреческого возрождения и стареньким «Рендж Ровером».

Те выходные на острове немного развеяли чары Эриха. После окончания учебы он собирался переехать в Вашингтон и все чаще небрежно намекал, что Лиза, наверное, захочет жить вместе с ним. В Вермонте Лиза знала, что хочет быть с Эрихом. На Нантакете она была уже не так уверена. Будто, находясь на острове, она была одним человеком, и совершенно другим с Эрихом. Лиза не была уверена в том, что хотела бы делать со своей жизнью, и не знала, приведет ли ее Эрих в конечную точку или направит в совершенно другую сторону.

Она собиралась обсудить это все со своей мамой и несколькими лучшими друзьями здесь, на острове. Она не понимала, что на самом деле чувствует. Любила ли она самого Эриха или только тот факт, что он, элегантный космополит Эрих, любил ее? Но Эрих, будучи гением маркетинга и презентации, устроил ей сюрприз в их последний вечер на острове. Он пригласил ее вместе с родителями в «Ле Лангедок», один из самых фешенебельных ресторанов на острове. Их стол был полон устриц, лобстера и свежей зелени, которыми они наслаждались. Когда пара с удовольствием приступила к изучению десертной

карты, к их столику подошел официант с ведерком, наполненным льдом.

Лиза и ее родители с удивлением уставились на бутылку «Дом Периньона».

Эрих повернулся к официанту.

– Принесите, пожалуйста, юной леди десерт.

Тишина повисла в воздухе. Официант вернулся и поставил перед Лизой хрупкую белоснежную фарфоровую тарелку, на которой лежала маленькая черная вельветовая коробочка.

– Эрих? – спросила Лиза.

– Открой ее, – сказал Эрих улыбаясь.

Конечно же, она догадалась, что было внутри. И прекрасно понимала, что ответ на содержащийся в этой коробочке вопрос мог быть только один. Только она не понимала, был ли этот ответ правильным для нее. Она была влюблена в Эриха – любая женщина была бы в него влюблена. Но она не была уверена в том, что сможет вписаться в его мир, так же, как знала и то, что он ни за что не станет жить на Нантакете.

Лиза открыла черную вельветовую коробочку. Внутри был бриллиант изумрудной огранки размером не менее двух карат, в платиновой оправе. Она перевела взгляд на Эриха.

– Лиза, ты выйдешь за меня? – спросил он.

У нее перехватило дыхание, и в тот момент тишины она осознала, что все в ресторане наблюдали за ними.

Дрожащим голосом она ответила:

– Да, Эрих. Да, я выйду за тебя.

Эрих поднял коробочку с тарелки, вытащил кольцо из вельветовой прорези, взял Лизу за руку и аккуратно надел кольцо ей на палец. Наклонившись вперед, он нежно ее поцеловал.

Ресторан заполнился аплодисментами. Официант открыл шампанское. Пока они поздравляли друг друга, Лиза решила, что она действительно любит его всем сердцем. Он был хорошим, умным, привлекательным и амбициозным, и он выбрал ее. Она чувствовала, как много этот вечер значил для него, как он радовался тому, что все было идеально, и она была рада быть его партнером в тот момент.

Правда, на следующий день, последний час которого Лиза провела со своей лучшей подругой Рэйчел, прогуливаясь по пляжу, она призналась, что сомневается.

– Ты же видела его, Рэйчел, – сказала Лиза. – Он как принц. Почему он выбрал меня?

Рэйчел рассмеялась.

– Может быть, потому что ты красивая, умная и добрая?

– Но мы с ним из совершенно разных миров. Можешь ли ты представить меня в Вашингтоне, обсуждающую иностранную экономику с людьми, которые действительно знают, о чем они говорят?

– Конечно, могу, – ответила Рэйчел. – Я могу представить тебя занимающейся чем угодно. Вопрос в другом: хочешь ли ты этого?

– Хочу. Я действительно этого хочу. Имею в виду, что и вправду хочу выйти за него замуж.

– Но?

– Но... – Лиза выдержала паузу. – Он мало смеется. Он никогда не смеется от всей души.

– Может быть, потому что он не сидит за барной стойкой, допивая тринадцатую кружку пива, – предложила Рэйчел. – Ну серьезно, Лиза. Ты только взгляни на него. Он – важная фигура. И работа у него важная.

– Я знаю.

– Ты чего-то боишься?

– Не боюсь, нет...

– Ты веришь, что он любит тебя?

– Да.

– А сама любишь его?

Лиза замешкалась.

– Да, думаю, да.

– Тогда остальное сложится само, – заверила ее Рэйчел.

Эрих хотел сыграть свадьбу в Вашингтоне, чтобы все друзья его родителей смогли ее посетить. Церемония прошла бы в Вашингтонском кафедральном соборе, а сам прием в клубе «Чеви Чейз».

Лиза хотела выйти замуж дома, на Нантакете, и друзья ее родителей предложили для приема яхт-клуб, достаточно изысканный, чтобы понравиться родителям Эриха и его друзьям.

Они спорили. Меньше чем через месяц они выпустятся из Миддлбери, и у них не останется достаточно времени для проведения свадьбы перед тем, как Эрих приступит к своим обязанностям в швейцарском банке. Большинство свадеб на Нантакете были запланированы на год вперед, поэтому многие церкви и священники были уже заняты. Она была единственным ребенком в семье. Для

них это было важно.

– Может, нам стоит подождать, – предложила Лиза.

– Может, нам стоит сбежать и обвенчаться тайно, – возражал Эрих. – Нам все равно не нужна вся эта свадебная суета. У нас есть более важные заботы.

Маленький, почти незаметный осколок льда попал Лизе в сердце. Конечно, спасти отчаявшиеся сообщества было важным делом, но разве их свадебная церемония не была важной? Куда подевался романтик Эрих, который так театрально просил ее руки в «Ле Лангедоке»?

Они нашли компромисс. Церемония состоялась в гостиной Лизы – ее провел местный окружной секретарь, а среди гостей были ее родители и ее лучшая подруга Рэйчел. В тот месяц родители Эриха были в Африке и не смогли присутствовать. Они прислали цветы, шампанское и серебряное ведерко для льда с выгравированными именами брачующихся и датой. Короткая церемония продолжилась небольшой вечеринкой с шампанским, после которой они поделили цветы между мамой Лизы, Рэйчел и секретарем, и молодожены отправились обратно в Миддлбери, чтобы собрать вещи и подготовиться к выпускному.

После выпускного супружеская пара переехала в Вашингтон, где Эрих стал работать вместе со своим отцом в банке. Лиза и Эрих сняли небольшую квартирку в Вашингтоне, недалеко от Национальной аллеи, и Эрих с головой ушел в работу. Лиза готовила полезные блюда, занималась стиркой и проводила влажное, жаркое лето в замечательных музеях рядом. Она так сильно скучала по Нантакету – ведь все-таки было лето. Но она понимала, что первый год брака был решающим. Лиза хотела показать себя верной и полезной женой. Она не могла оставить Эриха ни на две недели, ни даже на одну.

Кроме того, Лиза осознавала, что ей необходимо измениться, если она хотела быть подходящей Эриху женой. Чем больше она виделась с его мамой, Селест, тем больше верила в то, что Эрих выбрал ее потому, что она была теплой, честной, восприимчивой, любила объятия и прикосновения. Мама Эриха не выносила никакого телесного контакта, даже с собственным сыном. Селест была элегантной, но хладнокровной, чаще всего она показывала свое недовольствие,

лишь цинично приподнимая бровь.

И все же Селест была добра к Лизе, даже по-своему великодушна. После первой масштабной светской вечеринки Лизы в Вашингтоне Селест спросила, не будет ли Лиза против, если Селест даст ей пару советов, например, касаясь внешнего вида. Она предложила Лизе отрезать ее длинные волнистые волосы и сделать аккуратное каре до подбородка. Она одобрила два дорогих и простых платья, которые Лиза купила для бесчисленных коктейльных вечеринок. Селест посоветовала ей носить простые черные туфли-лодочки на каблучке не выше пяти сантиметров – все, что выше, выглядело безвкусно. И дополнить образ маленькими сережками и, может быть, как делала сама Селест, шарфом «Эрмес». У Лизы не было шарфа «Эрмес», тогда Селест предложила ей носить жемчуга. Когда Лиза призналась, что их у нее тоже нет, Селест подарила ей жемчужное ожерелье на Рождество. После этого Лиза получала по шарфу «Эрмес» каждый свой день рождения и каждое Рождество. Лиза была благодарна Селест за ее подсказки и советы, хотя Селест, казалось, давала их из чувства долга, нежели по дружбе или любви.

Было бы разумно, если бы Лиза приняла участие в какой-нибудь беспартийной организации, продолжала Селест. Таким образом, Лиза могла бы заводить друзей, а также представлять банк. Это хорошая идея, подумала Лиза, на самом деле отличная идея. Вашингтон был таким огромным и сложным, что она чувствовала себя потерянной, и когда она пряталась в своей квартире, ее тревожило одиночество.

Национальный музей женского искусства искал стажера в свою библиотеку и исследовательский центр. Эта вакансия идеально подходила Лизе. Она была молода, энергична и хорошо разбиралась в искусстве. Приступив к работе, она стала ночами исследовать женщин-художниц прошлых десятилетий и столетий, и ей действительно нравилось этим заниматься. Вскоре коктейльные вечеринки, на которых она когда-то стояла молча, стали увлекательными, особенно когда она сообщала какому-нибудь дипломату или корреспонденту о своем месте работы. Шли месяцы, и она превратилась из тихой Лизы-провинциалки в опытного исследователя и небольшого эксперта в женском искусстве.

Эрих был в восторге от новой и усовершенствованной Лизы. В последующие годы они ездили отдыхать в зарубежные города с крупными художественными музеями – в Париж, Амстердам, Флоренцию, Лондон. Для Эриха эти каникулы были скорее рабочими: встречи с дипломатами перемежались со встречами с

банкирами и учеными-экономистами. Лиза же была не против проводить время одна – она предпочитала прогуливаться по музеям в одиночестве, останавливаясь, когда что-то привлекало ее внимание.

В свои двадцать восемь, когда тридцатый день рождения был уже так близко, она поняла, что устала от путешествий. Она хотела настоящий дом.

Она хотела ребенка.

Однажды вечером, когда они вернулись с коктейльной вечеринки и готовились ко сну, Лиза мимоходом сказала:

– Я перестала принимать таблетки.

Эрих сел в мягкое кресло в их спальне, чтобы снять свои черные лакированные туфли.

– Какие таблетки?

– Противозачаточные.

Эрих снял свои черные шелковые носки.

– Ты уверена, что это разумно?

Лиза подошла к мужу и опустилась перед ним на колени, положив руки на его ноги и глядя ему в лицо.

– Я хочу детей от тебя, Эрих.

Его реакция была странной. Он нахмурился так, будто она говорила на чужом языке, с которого ему нужно было перевести. Затем он спокойно сказал:

– Конечно. Дети – это хорошо.

– Я помогу тебе найти няню, – сказала Селест Лизе в день, когда родилась Джульетта.

Лиза посмотрела на идеальное милое личико своей дочки, закутанной в больничное одеяло, широко раскрытыми глазами смотревшей на яркий новый мир.

– Мне не понадобится няня.

– Но как же твоя работа в музее?

– Я уволилась. Туда я всегда смогу вернуться, а пропустить что-либо из первых лет жизни Джульетты я не хочу.

– Я думаю, ты вскоре обнаружишь, – сухо сказала Селест, – что в младенчестве твоей дочери будет много моментов, которые ты захочешь пропустить, особенно среди ночи.

– О, Селест, вы такая забавная, – сказала Лиза.

Эрих был рад дочке и разделял часть забот о ней – по ночам он гулял с капризной малышкой, которую клал в специальный рюкзак, вдоль Национальной аллеи. Селест и отец Эриха – Лизе никогда не предлагали называть его по имени, поэтому для нее он всегда был мистером Холи – помогали по-своему, очень щедро и все контролируя. Родители Эриха помогли найти небольшой дом в Джорджтауне и в честь рождения Джульетты внесли первоначальный взнос. Родители Лизы, будучи в восторге от появления внучки, часто приезжали помочь Лизе с маленькой, прекрасной, розовощекой малышкой Джульеттой.

Эрих быстро поднялся по служебной лестнице швейцарского банка. Свободное владение французским, немецким и испанским ему в этом помогло. Лиза восхищалась своим мужем и принимала все его рабочие поездки, тем более что по возвращении домой он всегда был так счастлив ее видеть, что в скором времени она снова забеременела.

Когда родился Тео, Лиза ожидала, что ее муж будет проводить больше времени дома, что он будет любить ее еще сильнее, потому что она подарила ему сына, и да, она знала, что это старомодно, но она была совершенно уверена, что Эрих и особенно его родители думали именно так. Благодаря детям Лиза осознала, что прожила свои первые взрослые годы, позволяя жизни делать выбор вместо нее. Теперь же те очаровательные, утомительные подарки, которые преподнесла ей судьба – и которые она выбрала сама, – заставляли ее быть внимательной с выбором, который она совершала, ведь от этого зависело здоровье и счастье ее детей.

И, возможно, она уделяла Эриху меньше внимания, когда он был дома.

На самом деле Эрих стал проводить еще больше времени вдали от семьи, арендуя квартиру в Цюрихе. В их маленьком очаровательном таунхаусе Лиза скучала по нему, когда меняла подгузники, делала пюре из бананов и читала сказки, пытаясь развлечь своих малышей унылой зимой и неумолимой летней жарой.

А потом.

– Почему бы вам не приехать домой на лето? – спросила ее мать.

«Новая», предусмотрительная Лиза все продумала. Летом Эриху будет так же легко летать на Нантакет, как и в Вашингтон. Ее мама помогла бы с малышами, а лучше всего было то, что они могли быть на острове, недалеко от океана, в окружении ее друзей.

Она собрала много детской одежды и принадлежностей и уехала.

Лиза не забыла магию Нантакета – она спрятала ее в уголке своего сердца. На детском пляже Тео визжал от смеха, пока Лиза купала его на мелководье. Джульетта строила замки из песка и играла на детской площадке. Они оба были вне себя от радости при виде прибывающих и отплывающих огромных паромов. В восторге от корабельного гудка они махали руками и прыгали. В дождливые дни Лиза водила их в музей китобойного промысла и в библиотеку. Если дети капризничали – когда у них резались зубы, или они мочились в постель, – ее мама брала их с собой на пляж, и Лиза могла вздремнуть. По вечерам за

Джульеттой и Тео присматривали родители, и Лиза могла сходить в кино или поужинать с друзьями.

Лиза разговаривала с Эрихом минимум два раза в неделю, но он, конечно, был занят важными делами, поэтому их разговоры были короткими.

Неудивительно, что они отдалились.

И, с грустью подумала Лиза, неудивительно, что Холи практически исчезли из ее жизни и жизни ее детей. Семейство Холи и Эрих даже в стране бывали редко, не говоря уже о крохотном островке Нантакет. Для Лизы же Нантакет был целым миром – миром, идеальным для взросления ее детей, с его маленьким городком, дружелюбными соседями, золотыми пляжами и серебристыми волнами. Она была рада, что смогла побывать в Амстердаме, Париже и Мадриде, попробовать разнообразную еду и посмотреть на иностранные шедевры, но теперь, с двумя детьми, она была более чем довольна доставкой пиццы и детскими книжками с картинками.

В глубине души Лиза осознала, что любила своих детей больше, чем своего мужа. Рэйчел и другие ее островные друзья сказали, что это не было чем-то необычным, особенно в первые годы. Паре требовались терпение и упорство, чтобы оставаться вместе на любой стадии отношений. Рэйчел заверила Лизу, что та полюбит Эриха снова.

В августе Тео исполнилось два, и Эрих прилетел на Нантакет на грандиозную вечеринку, которую запланировала Лиза. Она пригласила нескольких друзей с детьми, и было замечательно, что на этот раз с ней был муж. Она вместе с родителями установила детский бассейн, приготовила всевозможные виды мячиков для самых маленьких и игры для четырехлетних. Эрих помогал выносить напитки и лед на стол для пикника, а когда настал момент, он принес огромный торт, который испекла Лиза, и вместе со всеми друзьями спел своему сыну «С днем рождения». Лиза была невероятно счастлива, ведь все было так, как в простой обычной жизни – семейное торжество, которое она проводила вместе со своим мужем.

В ту ночь, когда дети наконец уснули, она и Эрих очень тихо занялись любовью, потому что были в доме ее родителей. После этого Лиза заплакала.

Эрих прижал ее к себе.

– Тебе грустно?

– Я... Я очень по тебе скучаю. Дети так по тебе скучают.

– Ты скучаешь по нашим друзьям в Вашингтоне? По нашему дому там? Тебе тяжело жить здесь с родителями? Знаешь, мы могли бы улететь домой завтра. Ну, может, не завтра, но раньше, чем планировали.

Лиза лежала молча, размышляя.

– Хотя я не смогу помочь тебе собрать вещи и все такое. Я должен быть в Цюрихе в среду.

Прижавшись головой к его груди и спрятав лицо, Лиза спросила:

– Эрих, почему ты женился на мне?

Глубоко в груди она почувствовала его смешок.

– Какой глупый вопрос. Потому что я люблю тебя.

– Но мы почти никогда не бываем вместе, – напомнила она ему.

Эрих отстранился от нее, лег на спину и уставился в потолок.

– Опять ты за свое. Лиза, ты знала, что так будет. Я никогда не обманывал тебя.

Она разозлила его своей навязчивостью.

– Прости, – сказала она, прижимаясь к нему сбоку. – Я просто очень скучаю по тебе.

– Мне нужно поспать.

Эрих закрыл глаза и быстро заснул.

Лиза же долго не могла уснуть, ругая себя за то, что была такой навязчивой.

Следующий день был лучше. Эрих поговорил с родителями Лизы, поиграл со своими детьми, а затем сводил Лизу на ужин, пока дедушка с бабушкой присматривали за малышами.

Он отвез ее в «Ле Лангедок», где они не были с тех пор, как Эрих так романтично сделал Лизе предложение. Они заказали лобстера и сухое белое вино, и Лиза слушала, как Эрих рассуждает о финансовом положении Южной Африки. По крайней мере, она пыталась. Она не могла прервать его монолог о мировых делах выдержками из местных новостей – у «Хай-Лайна» появились скоростные паромы, новая библиотека открывалась этой осенью, а Рэйчел снова была беременна. Но когда официант подошел забрать их тарелки, она собралась с силами, чтобы рассказать ему об идее, которую обдумывала уже несколько дней.

– Эрих, – сказала Лиза, – как ты думаешь, у нас достаточно денег, чтобы купить дом здесь, на острове?

Эрих сделал паузу и нахмурился, собираясь с мыслями. Глядя на него, Лиза заметила, как он постарел – а ведь ему было всего тридцать три. Он набрал вес, у него были мешки под глазами, а кожа была бледно-белой, как у человека, который никогда не выходил на солнце.

Ну, подумала она, должно быть, в его глазах она выглядела намного старше его. Она не сбросила вес после рождения Тео – ха! она даже не сбросила вес, который набрала после рождения Джульетты. Она не могла вспомнить, когда у нее в последний раз были приличные стрижка и укладка. Она понимала, что ей нужно произвести серьезные изменения перед возвращением в Вашингтон.

– Ты хочешь купить дом здесь, на острове? – спросил Эрих. – С подогревом, с изоляцией?

– Ну, я не думала об этом, но если бы мы могли себе это позволить, то да. Тогда мы могли бы приехать сюда на Рождество!

Ей нравился блеск в глазах Эриха, будто он мог представить себе, как они все вместе смогут проводить больше времени на Нантакете.

Эрих откинулся на спинку стула и улыбнулся.

– А что, если бы мы просто купили здесь дом для постоянного проживания. Тебе бы этого хотелось, не так ли?

Лиза моргнула. Ей бы этого действительно хотелось, но почему это предложение заставило ее так занервничать?

– Я думаю, да. – Она выговорила это. – У детей могут быть настоящий двор для игр и их бабушка с дедушкой – я знаю, что твои родители любят детей, но они путешествуют не меньше, если не больше, чем ты. Мама и папа могли бы помочь, быть рядом в экстренной ситуации. Мои друзья были бы поблизости. Да, для меня и детей это было бы замечательно. А как насчет тебя? Сюда почти так же легко летать, как и в Вашингтон, так ведь?

– Летом, да. Зимой не все так просто. Но я могу представить, как сильно ты бы этого хотела.

– Я бы хотела, да. Мне очень одиноко, когда ты находишься в разъездах, все становится таким сложным.

Лиза наклонилась вперед и взяла его за руку.

– А как насчет тебя? Тебе нравится эта идея?

– Это была моя идея с самого начала, – напомнил ей Эрих. – Я хочу, чтобы ты была счастлива, Лиза.

Лиза знала, что должна была быть счастлива. Дом, который они купили, находился в городе и был сделан в стиле древнегреческого возрождения, он

мало чем отличался от дома ее родителей и имел большой двор. Дети, безусловно, были счастливы, у них было много друзей, прекрасная школа и любящие бабушка с дедушкой, у которых они порой оставались на ночь, чтобы Лиза могла провести время со своими друзьями. Лиза подрабатывала в комиссионном магазине при больнице. Она старалась сдержать данное себе обещание ничего там не покупать и порой даже жертвовала разные ценные вещи, которые находила у себя в комнате в родительском доме. В конце лета богатые женщины завозили в магазин одежду, которую ни разу не успели надеть, и Лиза купила себе несколько платьев и костюмов. Они идеально подходили для свиданий с Эрихом.

Эрих. Что ж, Эрих определенно казался счастливым. Домой он приезжал не реже двух раз в месяц, задерживаясь не более чем на три-четыре дня, а когда был дома, то был добр, но рассеян как с детьми, так и с Лизой. «Я сделал вазэктомию», – сказал он Лизе постфактум, добавив, что в этом беспокойном мире и так достаточно детей. Эрих приезжал на праздники, Рождество, День благодарения, Пасху и Четвертое июля и пытался попасть домой на дни рождения детей и Лизы. После ночи или двух на Нантакете его внутренние часы перестраивались на североамериканское восточное время, и он занимался любовью, или чем-то похожим на любовь, с Лизой.

Чего ей больше всего не хватало, когда он был дома и когда его не было, так это простых физических прикосновений, которые заставляли ее сердце таять, заставляли ее чувствовать, что они принадлежат друг другу. Конечно, Лиза получала много объятий и поцелуев от Джульетты и Тео, но не от Эриха. Он не держал ее за руку, когда они выбирались в свет. Он не обнимал ее за плечи, когда им приходилось бежать под внезапно начавшимся дождем. Он не притягивал ее к себе, когда они смотрели телевизор. Он не спал, прижавшись к ней, а лежал на боку лицом к стене. Он не делал ничего физического, что давало бы ей ощущение тепла и безопасности, похожее на объятия с партнером в гнездышке. Когда она пыталась прикоснуться к нему, он только улыбался ей. И чуть отодвигался.

Почему она не заметила этого раньше? Была ли она слишком ослеплена его красотой, его добрым, но врожденным превосходством, его утонченностью?

Она бесконечно говорила об этом с Рэйчел.

– Он не изменился, – сказала Рэйчел. – Изменились лишь твои ожидания. Ты думала, что у вас будет брак, как у твоих родителей. Вместо этого – о, разве люди не говорят снова и снова, что мужчины не меняются, а женщины не перестанут пытаться их изменить? У вас двое детей. Магия исчезла. Радуйся тому, что имеешь.

Когда детям исполнилось девять и одиннадцать, у нее появилась блестящая идея.

– Эрих, – сказала Лиза однажды ночью по телефону, когда он был в Лондоне, а она лежала в постели, – у меня есть прекрасная идея! Давай отвезем детей куда-нибудь в Европу этим летом! Туда, где тебе нужно быть по работе, в Цюрих или Париж, это не имеет значения, но Цюрих был бы хорош, потому что тогда ты бы мог показать им, где работаешь, и они могли бы наконец узнать, где ты находишься, когда тебя нет дома. Днем ты бы мог работать, а я могла бы осматривать достопримечательности вместе с детьми.

После долгой паузы Эрих согласился:

– Это блестящая идея. Я сверюсь со своим календарем и свяжусь с тобой.

– Свяжешься со мной? – Лиза рассмеялась. – Ты говоришь так, будто мы заключаем деловую сделку.

– Ну, что ты хочешь, чтобы я сказал? – раздраженно рявкнул Эрих.

Он никогда раньше не говорил с ней таким тоном, и именно этот тон, как и его слова, вывели Лизу из транса, заставили ее осознать правду.

– Эрих, ты меня любишь?

– Конечно, – вздохнув, сказал он ей. Прежде чем Лиза успела ответить, он добавил:

– Ты же знаешь, мы стали старше. Мы не должны были принимать такие важные решения, когда еще учились в колледже. Даже самые зрелые люди могут ошибаться.

– Я – ошибка? – спросила Лиза.

– А я? – возразил Эрих. – Подумай об этом хорошенько, Лиза. Между нами было много химии, когда мы встретились, и, вероятно, столько же любопытства, потому что наши жизни такие разные. Сначала я думал, что это сработает, потому что, казалось, мы подходим друг другу, и мы хорошо провели время, путешествуя по Европе. Но как только появились дети...

– Продолжай. Закончи фразу.

– Хорошо. Продолжу. Лиза, я думал, ты сможешь жить моей жизнью вместе со мной. Ты прекрасна, или, по крайней мере, была. Ты умна, но не амбициозна. Тебе нравится торчать в том больничном магазине, играть с чужим барахлом и устраивать распродажи выпечки для школы, хотя ты могла бы помогать мне развлекать действительно важных людей. Если бы ты, например, попыталась выучить арабский или хотя бы немецкий язык, мы могли бы быть отличной командой... но ты этого не сделала. Я не знаю, то ли ты боишься, то ли у тебя комплекс неполноценности, то ли тебе просто нравится быть хаусфрау [2 - Домохозяйкой (пер. с немецкого)]. Это не твоя вина, но мы с тобой идем по совершенно разным путям.

Долгое время Лиза молчала.

– Ого, – тихо сказала она, когда смогла отдышаться.

– Я рад, что мы завели этот разговор, – сказал Эрих. – Я боялся его начать. Я не хочу быть жестоким, Лиза, и я любил тебя, но люди меняются. Ты изменилась больше всего. Будь честна со мной сейчас. Если бы я попросил тебя отвезти детей к родителям, бросить зубную щетку в сумку и улететь сегодня вечером в Лондон, ты бы согласилась?

Ошарашенная, она не ответила. Не могла.

– Ну вот, понимаешь? Ты просто очередная толстая мамочка, застрявшая в захолустье, живущая на мои деньги и не стоящая их, честно говоря. Я не думаю, что ты действительно любишь секс. В колледже ты была готова на все, я признаю это, для тебя все было в новинку, и это было весело. Но как только ты родила детей, ты сдулась. Я хочу быть с кем-то сексуальным, раскованным,

полным энтузиазма, кто готов позволить мне делать все, что я хочу.

– Эрих, остановись.

Ее сердце бешено забилося. Она тихо сказала:

– Похоже, у тебя... есть любовница.

– Я думаю о ней как о возлюбленной.

– Я полагаю, она говорит на нескольких языках.

– На самом деле так и есть. Она наполовину иранка, наполовину испанка. – Эрих вздохнул. – Послушай, Лиза, нам было хорошо вместе. Ты не можешь перестать быть такой, какая ты есть. Давай поступим как взрослые люди и будем двигаться дальше.

Лиза крепко держалась за свое достоинство, чтобы отвечать хладнокровно, рационально и утонченно.

– Да, давай.

Джульетте было одиннадцать, Тео – девять. Лизе было сорок.

Глава 2

При разводе Эрих Холи предоставил Лизе полную опеку и юридические гарантии щедрых алиментов и оплаты обучения детей в колледже. Чудесный старинный дом с большим двором на тихой улочке в центре Нантакета и так был записан на ее имя.

Лиза подарила Эриху свободу, и он воспользовался ею, исчезнув в Европе, Азии и кто знает каких еще частях света.

В течение нескольких лет она пыталась сообщать детям важные известия о жизни их отца, но когда стало очевидно, что у Эриха нет времени ни на какие отношения со своими детьми, она прекратила попытки. Ей было больно, что Эрих не интересовался его детьми, их детьми, но хуже всего было то, что у Джульетты и Тео в жизни не было отца, и это разбивало Лизе сердце. В экстренной ситуации, конечно, она всегда могла попросить помощи у родителей, но это было не совсем то же самое. Она добросовестно посещала балетные представления, соревнования по плаванию, школьные спектакли, футбольные матчи. Каждую субботу у них был «вечер кино» – они ели пиццу и смотрели «Шрека», «Стюарта Литтла» или «Гарри Поттера». Она выезжала с детьми за пределы острова, в Бостон, чтобы посмотреть «Щелкунчика» на Рождество, и несколько раз возила их в Нью-Йорк, чтобы посмотреть бродвейское шоу, музей Гуггенхайма (им очень понравилась спиральная рампа) и Эмпайр-стейт-билдинг. Они проводили Рождество, День благодарения и дни рождения детей с ее родителями, и Джульетта и Тео казались счастливыми или, по крайней мере, не были эмоционально подавлены отсутствием отца.

Это Лиза была эмоционально разрушена. В самом начале развода она была слишком занята, чтобы заглянуть себе в сердце, где притаились боль и унижение. Шло время, и дети казались веселыми и спокойными, она покрасила спальню Джульетты в сиреневый цвет, а комнату Тео оклеила обоями с Люком Скайуокером и Чубаккой, и ее собственные чувства начали проявляться, медленно, настойчиво, а потом все разом, внезапно, как вода, прорвавшая плотину.

Ему было мало ее. Она была недостаточно красивой, или интересной, или космополитичной. Она так и не овладела французским языком, ей и за миллион лет не удалось бы стать похожей на Одри Хепберн, а когда у нее появились дети, она пропустила столько светских мероприятий, сколько смогла, так как просто хотела быть дома.

О чем она думала, когда решила выйти замуж за Эриха? Что побудило его жениться на ней? Она была уверена, что любит его, и уверена, что он любит ее. Прекрасный Эрих не ошибся, выбрав ее... ему просто было ее недостаточно.

Откровение за откровением озаряли ее сердце, как грозовые тучи, затмевающие ей обзор. Она была невысокого роста – ну, около ста шестидесяти пяти сантиметров. Складки жира, за которые она могла ухватиться по бокам, выделялись более чем на два сантиметра. Она была умна, но недостаточно, не

была целеустремленна – когда она уволилась из Национального музея женщин в искусстве, ее место заняла Карен Венингер, которая в течение года опубликовала целую книгу о Мэри Кассат.

И что еще хуже, пока она была замужем за Эрихом, некоторые из ее близких друзей уехали из города. Рэйчел, ее самая лучшая подруга, до сих пор находилась на острове, и, хотя она и работала с мужем в местной юридической фирме, у нее всегда находилось время поговорить с Лизой. Они часто устраивали девичник с ужином и парой бокалов.

Ее родители по-прежнему любили ее, и Лиза благодарила за них бога. Что еще более важно, они души не чаяли в своих внуках и часто просили одного или обоих приехать на ночевку в выходные. Лиза знала, что ее родители ждали, когда она снова выйдет в свет, будет ходить на вечеринки и вообще везде, где могут быть холостяки.

Она не могла этого сделать. Даже мысль о флирте с мужчиной пугала ее. Когда могла, она проводила ночи одна в своем доме с романтической комедией по телевизору и тарелкой попкорна. Она прекрасно знала, что от соли в попкорне у нее вздуется живот, но все равно демонстративно его съедала.

– Ты толстеешь, – сказала Рэйчел однажды вечером, когда смогла заставить Лизу пойти на ужин в тихий ресторан.

– Спасибо. Большое спасибо. – Лиза думала, что ей удалось скрыть свой вес под свободным летним платьем, но Рэйчел была ее самой лучшей подругой. Она мало что могла скрыть от Рэйчел.

– Хватит. Я не пытаюсь тебя оскорбить. Я беспокоюсь о тебе, Лиза. – Подошел официант. Лиза отмахнулась от него. – Прошло уже два года, а твоя социальная жизнь заканчивается на родителях, детях и мне.

Лиза вызывающе вздернула подбородок.

– И я довольна.

– Нет, это не так. Я думаю, ты боишься.

– Почему бы мне не бояться? – Лиза вспыхнула в ответ. Она сосредоточилась на своем коктейле, помешивая его маленьким нелепым зонтиком. – Меня бросили, совсем. Мой бывший муж не хочет даже видеть наших детей, как будто они ничего для него не значат. – Слезы навернулись на глаза Лизы, поэтому она взяла свой коктейль, убрала этот чертов зонтик и залпом выпила. – Я знаю, что точно ничего для него не значу.

– О господи, мы говорили об этом сто тысяч раз. Эрих – кретин. Он нарцисс и не способен любить.

– Он был таким... – начала Лиза.

– Он был мошенником, – прервала ее Рэйчел. – Он думал, что сможет сделать тебя своей марионеткой, а когда это не сработало, он отверг тебя и пошел дальше. Но, Лиза, в тебе кроется намного больше, чем думал Эрих. Гораздо больше. – Рэйчел потянулась и взяла Лизу за руку. – Дорогая, так много твоих друзей хотят тебя увидеть. Я знаю, что тебя приглашали в книжные клубы, и ты должна согласиться, а еще тебе нужно появляться на вечеринках. Лето почти наступило. Подумай о пляжных вечеринках, которые нас ждут.

Надувшись, Лиза сказала:

– Я не могу пойти на вечеринку одна.

Рэйчел потеряла терпение.

– О, ради бога. – Она отпустила руку Лизы. – Конечно, можешь. Или иди со мной и Бадди. Тебе нужно снова начать встречаться с мужчинами.

Лиза покачала головой:

– Я не готова.

– Прошло уже два года.

– Я не готова.

– Тебе стоит обратиться к психотерапевту. Может, даже начать принимать антидепрессанты. Ты такая мрачная, что и меня в тоску вгоняешь.

Лиза вышла из себя.

– Рэйчел, ты хорошая подруга и принимаешь меня такой, какая я есть. Но тебе нужно остановиться. Пожалуйста, верь мне, когда я говорю, что меня не интересуют мужчины. Ни один. – Лиза не смогла поделиться своим самым глубоким страхом, что она просто не будет никому интересна.

– Тогда ладно, – сказала Рэйчел. – Найди хотя бы работу.

В нашей жизни бывают времена, когда нас могло бы накрыть волной наших печалей и страхов, и мы бы утонули в собственном несчастье, если бы не наши друзья. Позже Лиза поняла, какой удивительной была Рэйчел, какой верной, щедрой и любящей подругой, которая не только была рядом с Лизой в ее самом непривлекательном и жалком состоянии, но и уговаривала ее покинуть ту унылую, темную пещеру, в которой она пряталась, и выйти наконец на свет.

Дом оставался в распоряжении Лизы, а алиментов Эриха хватало на самое необходимое, поэтому Лизе не нужно было работать, и она знала, что ей очень повезло. Но также она понимала, что Рэйчел была права – ей нужно было найти работу.

На Нантакете было несколько художественных галерей, а в музее китобойного промысла Нантакета и в Атенеуме было даже несколько ценных картин, но Лиза грустила, вспоминая те дни, которые она проводила в женском музее в Вашингтоне. Там она была счастлива, оптимистична, молода и чувствовала себя причастной к этому миру.

Но теперь, в сорок два года, разведенная и брошенная – даже если она и не выглядела совсем уж брошенной, ее все равно бросили, – ей часто требовалось мужество, чтобы выйти из дома. Во время их последних встреч для обсуждения развода Эрих сказал ей, что пришел к выводу, что она никогда не сможет быть гламурной. Что Лиза одурачила его в колледже, будучи достаточно хорошенькой, что ему казалось, будто она может стать красивой и утонченной. Вместо этого она стала безвкусной и провинциальной. Эти слова не исчезли ни

из ее разума, ни из ее сердца. Они были там, когда она смотрелась в зеркало. Они были там, когда она вытиралась полотенцем после ванны. Они были там, когда она шла по Мейн-стрит, пряча глаза за солнцезащитными очками. Она боялась, что увидит жалость в глазах людей, которых знала еще с детства. Взгляд мужчины заставлял ее сердце трепетать от страха.

Ей понадобилось все ее мужество, чтобы устроиться на работу. Однажды вечером в гостиной Лизы, когда Рэйчел заглянула к ней на коктейль, а дети были прикованы к телевизору в единственный час, когда им это позволялось, Рэйчел сообщила, что в «Вестментс» – круглогодичном магазине женской одежды, принадлежащем Весте Махоун, – требуется новый продавец-консультант.

– Тебе бы понравилось там работать, – настаивала Рэйчел. – Перебирать всю эту великолепную одежду.

– Там действительно великолепная одежда, – согласилась Лиза. – Но я не уверена, что имею нужные... квалификации... для работы там.

– О чем ты говоришь? – Рэйчел поставила стакан на стол с такой силой, что он чуть не разбился. – Честное слово, Лиза, иногда я так злюсь на тебя! И знаешь, что еще? Ты меня утомляешь. Ты такая слабая, такая жалкая, и ты никогда не была такой до развода. Эрих плохо обращался с тобой? Он бил тебя?

– Конечно, нет. – Лиза попыталась рассмеяться. – Извини, если я кажусь...

– ПРЕКРАТИ ЭТО! – закричала Рэйчел. – Не смей извиняться. Перестань ныть. Лиза, знаешь что? Ты уже не тот человек, которым была раньше. Я скучаю по тебе, настоящей тебе.

Лиза кивнула:

– Я понимаю. Я думаю, что развод выбил меня из колеи, Рэйчел. Это было последнее, чего я ожидала. Он заставил меня почувствовать себя... хуже других.

– Хорошо, но тот развод был два года назад. Подумай только. Я считаю, тебе стоит кому-нибудь показаться.

Лиза рассмеялась почти истерически.

– Я совсем не готова встречаться с кем-либо.

– Я имела в виду психотерапевта. – Рэйчел была непреклонна. – Я думаю, что тебе стоит устроиться на ту работу в «Вестментс» и начать терапию.

Лиза покачала головой:

– Если я начну терапию, все на острове будут знать, что у меня эмоциональные проблемы.

Рэйчел вспыхнула:

– Ради бога, Лиза, у всех на этом острове есть эмоциональные проблемы!

– Но я подам заявку на работу в «Вестментс». Мне нравится Веста, и мне не помешали бы лишние деньги.

– Ага, чтобы сделать себе приличную стрижку, – дополнила Рэйчел.

Веста Махоун была молодой и амбициозной. С кудрявым взрывом рыжих волос на голове и крошечным телом она была узнаваема в любом месте. Веста выросла в Монклере, Нью-Джерси, где уже тогда отличалась изысканным вкусом и отличной смекалкой, училась в Нью-Йоркской школе дизайна, была умна и обладала хорошей интуицией.

Веста была откровенна, когда она наняла Лизу.

– Ты идеальна. Ты будешь притягивать более взрослых покупательниц.

– Веста, мне сорок два, – сказала Лиза.

– Знаю. Я это и имела в виду. Более взрослых покупательниц.

Лиза сомневалась, что кто-то за тридцать захочет носить одежду с бахромой, блестками, оборками и цепями, которую продавала Веста, и они, скорее всего, не станут носить юбки и платье, которые заканчивались на двенадцать сантиметров выше колена и имели глубокий вырез. Но Веста продавала целый ассортимент одежды – в том числе шелковые платья и кашемировые свитера, которые Лиза хотела бы себе позволить, – что привлекало женщин всех возрастов. «Вестментс» был успехом.

Медленно, но Лиза вернулась к жизни. Чувственное удовольствие от работы с тканями пробудило ее. Кашемир, легкий, как снежинка. Шелк, холодный и текучий. Она позабыла, как цвет, например, фуксия, на одной женщине может желтеть, а на другой пылать.

Лиза наблюдала. Училась. Ночью, вместо того чтобы плакать под романтический фильм по телевизору, в то время как ее дети спали, она изучала модные журналы. Она рассматривала фотографии женщин с нантакетских гала-вечеров. Лиза купила маленькую записную книжку и начала составлять списки, кто во что был одет, сколько кому было лет и насколько богаты они были. Вскоре после этого она собрала информацию о моде и тканях. По вечерам, после ужина, она сидела за обеденным столом вместе со своими детьми. Они делали свою домашнюю работу, она – свою. Ей нравилось создавать уникальные книжки из толстых отрывных блокнотов, оборачивая их тканью и дополняя такой же закладкой. Она сделала целый альбом из газетных и журнальных вырезок, вклеив туда фотографии знаменитостей и записав свои мысли об их одежде на полях. Джульетте и Тео нравилось сидеть с ней за одним столом, за которым все трое, склонившись каждый над своей работой, бормотали себе под нос о квадратных корнях, или о солдатах-революционерах, или о саронге.

Может быть, это были ее лучшие годы, когда все в ее доме были чем-то заняты и счастливы.

Одним ноябрьским утром – в спокойное для «Вестментс» время – Лиза утюжила одежду на стойках. Веста оформляла витрину. Ее манекен был одет в камуфляжные брюки с низкой посадкой, кашемировый свитер, который заканчивался около пупка, и массивные ботинки.

– Это безумие, – сказала Лиза.

– Это современный стиль, – сказала ей Веста.

– Женщины действительно хотят ходить с открытыми холодному ветру животами?

– Лиза, моя целевая клиентура не ходит в походы через Арктику.

– Ну, в этом магазине они тоже не одеваются, – возразила Лиза.

Веста была на десять лет моложе Лизы и встречалась с постоянно сменяющимися друг друга почти идеальными мужчинами. Когда Лиза только начинала работать в «Вестментс», она была впечатлена уверенностью этой молодой женщины. Теперь, спустя два года, Лиза сама ощущала в себе уверенность.

– Послушай меня, – сказала она прямо в строго выпрямленную спину Весты. – Я провела исследование. Я знаю людей с острова и знаю, что они носят. Я знаю, какие вечеринки они устроят в каникулы. Женщины хотят быть сексуальными и прекрасными, но не... развратными. Такими хотят быть некоторые «летние женщины», женщины, приезжающие сюда летом, но зима – совершенно другое дело.

– Моя одежда не развратная. – Веста отвернулась от витрины и посмотрела на Лизу.

– Послушай. – Лиза зашла за прилавок, взяла большую сумку и вытащила один из своих блокнотов. – Я думаю, тебе стоило бы продавать вот эти вещи.

Веста взглянула в блокнот. Она издала напевный звук.

– Все это, конечно, интересно, Лиза, но нам надо было заказать эти вещи много месяцев назад. Ты же знаешь.

– Да. И я заказала. Пока ты не разозлилась, я хочу, чтобы ты знала, что я заплатила за вещи из своих денег. Они лежат у меня дома. Вот настолько я уверена в этом деле. Ты ничего не потеряешь, просто попробовав.

– Что ты пытаешься сделать? Взять магазин в свои руки?

Лиза улыбнулась:

– Нет. Только его часть.

Веста положила руки на бедра.

– Ты сумасшедшая, – сказала она. – Хорошо. Давай попробуем.

Следующие несколько лет были такими насыщенными, что Лизе казалось, что она живет только за счет кофе. Выбранная ею одежда была распродана так быстро, что они не успевали развешивать ее на стойках. Магазин занимал все часы ее дня и большую часть ее снов, и несколько раз в год она ездила с Вестой в Нью-Йорк за покупками.

Однажды Веста объявила, что наконец встретила мужчину своей мечты. Она собиралась выйти замуж и переехать в Аризону. Она закрывала свой магазин. Лиза была ошеломлена. Теперь, когда оба ее ребенка были подростками, они обходились намного дороже. Им требовались подтяжки, мартинсы со специальным протектором, школьные поездки в Нью-Йорк, компьютеры и видеоигры. Она платила за все это со своей зарплаты и была рада это делать. Но что теперь?

Она позвонила Рэйчел, одолеваемая тревогой настолько, что у нее стучали зубы.

– Что же мне делать?

– Открой свой собственный магазин, – спокойно сказала Рэйчел.

– Не смей меня!

Она была в разводе с Эрихом уже много лет, но все та же неуверенность, которую он каким-то искусным образом укоренил в ее разуме, по-прежнему управляла ее мыслями, ее сердцем, ею самой. Когда она смотрела на себя в зеркало или сидела за компьютером, она боялась, что выглядит не так и даже думает не так.

– Лиза. Ты воспитываешь двух прекрасных детей, которые почти уже уехали в колледж. Скоро у них будет своя жизнь. Твоя работа в магазине доказала, что ты знаешь, чего хотят женщины. Клиенты Весты и твои клиенты будут продолжать приходить. Они знают тебя и уважают твой вкус. Теперь ты знаешь все о финансовой стороне бизнеса, а также о юридической. Ты можешь это сделать. Действительно можешь.

– Действительно могу, – повторила Лиза как мантру. Рэйчел верила в нее, и это заставило Лизу поверить, что она может это сделать.

И она обнаружила, что действительно может.

При огромной поддержке Рэйчел и других ее друзей Лиза договорилась с владельцем здания о том, чтобы взять на себя арендную плату, и изменила название магазина на «Парус» [3 - Sail на языке оригинала.], что было очень по-нантакетски и содержало в себе все буквы имени Лизы [4 - Lisa на языке оригинала.] плюс некоторый намек на заманчивое слово «распродажа» [5 - Sale на языке оригинала, является омонимом к слову «sail»]. Ровно в середине июля она устроила грандиозное открытие с шампанским и сразу же получила колоссальную прибыль. Она наняла девушек из колледжа, чтобы они помогали ей летом, и после нескольких месяцев, доведя себя до безумия, она наняла бухгалтера для ведения бухгалтерского учета, потому что хоть и знала, как вести бухгалтерский учет, она не могла находиться в двух местах одновременно. Лучшее всего у нее получалось покупать и подбирать одежду для своих клиентов – этот талант зародился в ней еще в детстве, когда она шила наряды для своих кукол.

Вскоре она стала преуспевающей деловой женщиной, как жены китобоев, владевшие бизнесами на улице Петтикоат-Роу в те времена, когда Нантакет был китобойным городком.

В то же время Джульетта и Тео учились в старшей школе, их тела формировались, а личности менялись. Они часто бывали саркастичны, скрытны и капризны. Джульетта была близка со своей компанией подруг, и она либо проводила время с ними, либо болтала по телефону, но все равно хорошо училась и обычно была добродушна.

С Тео все было не так просто. Его лучший друг из детского сада, Аттикус Барнс, был хорошим, умным, уравновешенным ребенком, и Лизе нравилось, когда он бывал у них дома. Но когда мальчики пошли в девятый класс, Аттикус перестал так часто приходить, а когда появлялся, был угрюм и озабочен. Ходили слухи, что Аттикус употреблял марихуану, а может, и что-то похуже. Лиза беспокоилась, что он оказывает плохое влияние на Тео, и в чем-то она была права.

В течение многих лет, хотя он и думал, что умело скрывает это, Тео был влюблен в Бэт Уитни, красивую девушку, мать которой умерла, когда Бэт было три года. Конечно – и так происходит всегда, не так ли? – Бэт и Аттикус начали встречаться. Черт, сначала подумала Лиза, но потом, пообщавшись с другими мамами в продуктовом магазине и во время футбольных матчей, передумала. Другие матери считали прекрасным, что у Аттикуса появилась девушка. Это могло его приободрить.

Но Аттикуса это не приободрило. Летом, когда ему исполнилось семнадцать, он покончил жизнь самоубийством, приняв летальную дозировку оксиконтин. Дома его родители нашли письмо на своем столе, в котором говорилось, что он так больше не может. В нем также сообщалось о том, где его можно найти – в тихом местечке на болотах. И о том, что ему всегда было холодно. Поэтому он просит похоронить его в пуховом одеяле.

Это был ужасный период для Полы и Эда Барнс, для Тео, для Бэт и для всего сообщества. На похоронах Аттикуса Лиза подошла к Маку Уитни, отцу Бэт. Она не была с ним хорошо знакома. Всеми любимый островитянин, женившийся на своей школьной возлюбленной Марле, был на десять лет моложе Лизы. Он был плотником, специализирующимся на ремонте старых домов, и имел безупречную репутацию благодаря своей честности и отличной работе. Когда им было всего по двадцати одному году, Марла родила дочь, прекрасную Бэт. Три года спустя рак унес жизнь Марлы, и Мак овдовел.

Теперь это, самоубийство мальчика, с которым встречалась Бэт.

Лиза хотела что-то сказать Маку, но слова были какими-то пустыми.

– Мак. Я просто хотела поздороваться. Все это так грустно. Не знаю, в курсе ли ты, но Тео был хорошим другом Аттикуса и Бэт.

– Да, – ответил Мак, глядя прямо перед собой. – Да, я знал это. Эти трое часто бывали у нас дома. Аттикус порой бывал довольно-таки забавным.

– Да, – согласилась Лиза.

Она почти буквально почувствовала, как скорбь исходит от высокого широкоплечего мужчины рядом с ней, и ей было интересно, насколько его еще хватит. Сначала жена, а теперь парень дочери. Она так и не познакомилась ближе с Маком, отчасти потому, что была занята своим магазином, но также и потому, что знала, сколько женщин его возраста и моложе, незамужних и разведенных, пытались оказать ему поддержку после смерти Марлы. Подруга Лизы Рэйчел, которая знала всех и вся, смеялась над количеством запеканок, которые окружили Мака в первый год. Никакая женщина, казалось, не интересовала его, и с годами Мак заработал репутацию человека, одержимого своей работой. Он появлялся на всех мероприятиях, связанных с его дочерью, Бэт получала хорошие оценки в школе, всегда была хорошо одета и казалась счастливой, нормальной девочкой.

Время от времени среди сплетниц пробегал, как электрическая вспышка, слух, что Мака заметили в ресторане с какой-то «летней женщиной», с которой его больше ни разу не видели. Несколько раз, когда Лиза сталкивалась с ним, он казался довольным, но сдержанным.

– Я просто хочу, чтобы ты знал, что Бэт всегда рады в нашем доме.

– Это здорово, Лиза, – сказал Мак. – Бэт очень любит Тео, и она боготворит Джульетту.

– Она боготворит Джульетту? – отозвалась Лиза.

Мак посмотрел на Лизу и усмехнулся. Когда он так улыбался, он был так красив, что заставлял каждую клеточку ее тела трепетать. Разве она раньше видела, как он улыбается, по-настоящему улыбается?

– Да, и вероятно ее восхищает в Джульетте все то, что сводит тебя с ума, – сказал Мак. – То, как она одевается – не совсем готично, не совсем камуфляжно, но определенно круто. И учится в Массачусетском технологическом институте? Она – легенда. Еще и три пирсинга в ушах, и татуировка.

– Ты знаешь о тату?

Мак все еще улыбался.

– Конечно. Многие девушки видели ее, когда принимали душ в спортзале. Все мальчишки хотят ее увидеть, но, насколько я знаю, никому так и не удалось.

– Хорошо, – сказала Лиза, закатив глаза. – Она у нее на заднице.

– Ты знаешь, что там написано? – спросил Мак.

– Я – да. А ты?

– Нет. Бэт мне не говорит. Имя Люка Брайана, заключенное в сердце?

– Нет. Имя Стивена Хокинга в сердце.

Мак запрокинул голову и рассмеялся. Но быстро притих.

– Что ж, это было неожиданно. И совершенно неуместно на этом событии.

Лиза виновато улыбнулась ему.

– Прости. Но я уверена, что Барнсы не упрекнут тебя за смех, даже здесь.

Мак посмотрел на Лизу, она поймала его взгляд, и несколько мгновений никто не произнес ни слова. Боже, подумала Лиза, мне понравился мужчина на десять лет моложе меня.

Заставив себя опустить глаза, она сказала:

– Мне нужно идти.

Мак кивнул.

– Приятно было с тобой пообщаться.

Лиза отошла к группе детей, стоящих вместе и пошатывающихся от горя. Тео был там, и Бэт была рядом с ним, и взгляд Тео был устремлен на Бэт, как будто он боялся, что она исчезнет, если он отвернется.

С того момента, как он узнал о самоубийстве Аттикуса, Тео оплакивал своего друга и ненавидел себя за то, что не смог ему помочь. Лиза отвела его на терапию – многие студенты посещали психотерапевтов тем летом, чтобы справиться со своим шоком и горем. Один из них, один из самых лучших, умер. Тео научился направлять свое горе и естественный избыток энергии на бодибординг и сёрфинг. Лизе казалось, что во время сёрфинга Тео чувствовал, что у него есть какой-то небольшой контроль над этим непостижимым миром. В конце лета он уехал в Калифорнийский университет в Сан-Диего. Лиза знала, что он выбрал этот колледж, потому что там можно было качественно заниматься сёрфингом, и она одновременно и любила, и ненавидела тот факт, что Тео им увлекся. Это было опасно. Но и простая обычная жизнь была не менее опасной.

Ее родители, которым только исполнилось семьдесят, все больше и больше страдали от проблем со здоровьем. Они переехали в дом престарелых на мысе. Лиза посещала их так часто, как только могла, но с каждым визитом видела, как им становится хуже. Ее мать страдала болезнью Альцгеймера и умерла через год после того, как покинула остров, а отец Лизы скончался всего несколько месяцев спустя. Хотя большая часть денег, которые получили ее родители, продав свой дом в Нантакете, пошла на первоначальный взнос в доме престарелых, Лиза все же унаследовала приличную сумму, и никогда прежде деньги не заставляли ее чувствовать себя такой грустной.

Джульетте легко давались предметы, связанные с математикой и компьютером, поэтому она поступила в Массачусетский технологический институт. Тео был в Калифорнии. Лиза стала одержима работой. Ей нравился дух товарищества в магазине и прекрасные студентки, работавшие в июне, июле и августе. Ей нравились ее покупатели – по крайней мере, большинство из них, – и каждый день магазин был наполнен сплетнями и смехом. Если она предлагала платье или свитер, которые потом покупали, Лиза радовалась так, будто выиграла в какую-то игру. Она начала носить украшения и аксессуары.

Когда ей исполнилось пятьдесят, ее подруги устроили для нее вечеринку.

– Тебе повезло, – сказала Хелен Норт. – Ты прекрасно выглядишь, а твои дети разъехались по колледжам. Время для романтики!

Лиза рассмеялась и покачала головой:

– О, Хелен, уже слишком поздно. Все одинокие мужчины моего возраста, если таковые вообще есть, хотят встречаться с тридцатилетними.

– Попробуй сайт знакомств, – предложила Рэйчел.

– У меня нет на это времени, – быстро возразила Лиза. – Или интереса.

Прошли недели, месяцы. Лиза стала больше уставать, работая весь день, всю неделю, потому что, хоть она и закрывала магазин по воскресеньям всегда, кроме летнего периода, ей нужно было доделать бумажные дела, распаковать или вернуть товары. Наконец, несмотря на огромную тревогу, она наняла еще одну женщину, которая должна была помогать ей круглый год, Бэтси Мейсон, недавно приехавшую на остров и имевшую опыт работы в розничной торговле. Бэтси только что исполнилось тридцать, она была энергичной, практичной, сообразительной молодой женщиной, и ее жизнерадостное присутствие скрашивало жизнь Лизы.

Джульетта окончила Массачусетский технологический институт и сразу же устроилась на работу в технологическую компанию в Кембридже. Она приезжала домой на День благодарения, Рождество и на неделю или две летом и всегда брала с собой компьютер. Тео любил Сан-Диего, занимался сёрфингом так часто, как только мог, и лишь один раз в год приезжал домой на несколько дней в Рождество.

Ее жизнь снова изменилась, как машина, плавно съехавшая на другую дорогу, что она даже не заметила, как это произошло.

Однажды вечером она сидела за обеденным столом с бокалом вина, неторопливо читая публикации в соцсетях. Был май, начало настоящей весны на острове. Ей было пятьдесят шесть лет. Она все еще была одинока.

Она признавалась себе, что ей одиноко без общества мужчины. У нее было много друзей, некоторые из которых были разведены или овдовели. Она часто ходила на ужин или в театр вместе с ними. Она разговаривала с мужчинами на мероприятиях «Ротари» или торговой палаты, но там никто не проявлял к ней никакого интереса.

Ха! Кто вообще захочет проявить интерес? Вообще или прямо сейчас?

– Хватит, – сказала себе Лиза – она часто говорила с собой вслух, ну а почему бы и нет? – Не будь такой жалкой. Ты здорова, и все у тебя отлично. У тебя двое здоровых, счастливых детей, и твоя жизнь удалась. Тебе не на что жаловаться!

И тут ей на голову обрушился потолок столовой.

Глава 3

Не весь потолок, конечно, всего лишь несколько кусков штукатурки. И этим дело явно могло не закончиться, потому что на прошлой неделе Нантакет пережил один из своих самых сильных штормов с проливным дождем, который шел несколько часов. Подняв глаза, Лиза увидела, что дождевая вода стекает с верхнего края дымохода камина в ее столовую, оставляя мокрые пятна и целые туннели, как будто весь потолок перекопали кроты. Это нужно было исправить, и она знала, что не сможет сделать это сама.

В течение почти тридцати лет, которые Лиза прожила здесь, она как могла заботилась о своих детях. Она каждый день покупала овощи и готовила «настоящую» еду вместо пиццы. Она посещала соревнования по плаванию, школьные игры и баскетбольные матчи. Она работала волонтером в школьной библиотеке. Она содержала дом в чистоте, уюте и гостеприимстве. Зимой Лиза ставила цветы на стол и электрические свечи в окна. Мебель была хорошо начищена, в камине гостиной горел огонь, а ее прекрасный сад был полон трав и цветов.

Но она не заметила случайного разрушения дома, такого масштабного и коварного. Когда часть потолка упала ей на голову, обнажив деревянные балки

наверху, Лиза поняла, что должна обратить внимание на дом, иначе он продолжит разваливаться дальше.

Она взяла блокнот и ручку и, чувствуя себя вполне готовой к работе, прошлась по дому, обращая внимание на то, что нужно сделать. Все окошки, прямоугольные стеклянные панели в верхней части большинства древних межкомнатных дверей, скрипели не только тогда, когда дверь открывалась или закрывалась, но и когда дул сильный ветер и сквозняк проносился по дому. Они оставались такими годами. Они были частью дома. В старом доме дребезжало многое.

Теперь Лиза знала, что их нужно смазать заново или что-то в этом роде. Она не могла починить потолок в столовой, но могла заняться окошками. Лиза просмотрела несколько сайтов и узнала, что именно нужно делать. Звучало легко. На следующий день она пошла в Марин-хоум-центр и купила тюбик белого герметика. Лиза собрала свои темные волосы сзади, как клепальщица Розы [6 - Героиня с картины американского художника и иллюстратора Нормана Роквелла, написанной в 1943 году американским художником и иллюстратором Норманом Роквеллом.]. Она вытащила свою стремянку – алюминиевую и довольно легкую, но достаточно прочную, чтобы удержать Лизу, – и забралась наверх, чтобы попытаться нанести герметик красивой прямой гладкой линией вдоль основания стеклянных панелей.

Это было похоже на попытку выдавить из тюбика идеальную полоску зубной пасты. Герметик ложился то брызгами, то пунктиром. Попытавшись равномерно распределить его ногтем, Лиза размазала герметик по стеклу.

Она делала только хуже.

Лиза слезла со стремянки, села на пол и заплакала.

– Мне пятьдесят шесть лет, – сказала она вслух. Да и кто ее мог услышать.

– Наверное, стоит продать этот дом. Он слишком большой для одного человека. Я могла бы купить новый, свежевыкрашенный в белый цвет, – Лиза начала оживляться. Обычно она так делала, когда разговаривала сама с собой.

– Я могла бы продать свой бизнес, уехать с острова, купить милое очаровательное местечко на мысе и оставить деньги на приключения. Я могла бы отправиться в круиз! – Лиза одобрительно кивнула сама себе.

Легко поднявшись – она раз в неделю занималась йогой, – она стала ходить по комнате, размышляя.

– Зачем я поеду в круиз? Меня ведь укачивает, – напомнила себе Лиза.

– И я люблю этот дом. Надеюсь, когда-нибудь мои внуки будут бегать по этой лестнице. Я люблю остров. Я люблю своих друзей. Я люблю свой магазин.

Она посмотрела в окно. Стоял май. Ее тюльпаны раскрылись, и нарциссы вот-вот собирались зацвести.

– У меня есть деньги, чтобы отремонтировать это место, – рассуждала Лиза. – Я должна привести свой дом в порядок! – Ее мрачность испарилась. В голове роились идеи. Она нашла свой телефон на кухне и позвонила Рэйчел.

Когда Рэйчел ответила, Лиза сказала:

– Мне нужен плотник, или подрядчик, или маляр. Мне нужен капитальный ремонт потолка.

– И тебе доброго вечера! – Рэйчел рассмеялась. – С чего вдруг?

– Потолок столовой упал мне на голову.

– Что?

– Ну, около квадратного метра, а остальная часть вздулась от воды так, что я боюсь, что он в любой момент рухнет. Кроме того, я решила многое отремонтировать в доме. Подарить этому дому немного любви.

– Хорошо, дай мне подумать. Ты же не хочешь абы кого. Кроме того, многие ремонтники даже не решатся на ремонт твоего дома, потому что он уж слишком старый. Ты решишь одну проблему и найдешь еще пятьдесят других. Тебе нужен

кто-то ответственный – как насчет Мака Уитни?

– Кажется, я его знаю.

– Конечно, знаешь, – сказала Рэйчел. – Его дочь Бэт – ровесница Тео. Это ее парень покончил жизнь самоубийством в старшей школе семь лет назад.

– А, да, точно. Боже, как я могла забыть – Тео виделся с Бэт, потому что она встречалась с Аттикусом. Некоторое время они все были так близки, три мушкетера, а потом... Аттикус умер. Бедный парень. Бедная девочка. Весь город был в трауре, – Лиза колебалась. – Я заставила Тео обратиться к психотерапевту.

– Да, после этого многие дети обращались к психотерапевтам.

– Действительно. И мы, вернее Тео, как бы потеряли связь с Бэт. Она была в одном классе с Тео, но после Аттикуса их компании не особо пересекались. Как Бэт? Ты видела ее?

– Видела. Она окончила среднюю школу, поступила в колледж, но сейчас, кажется, вернулась на остров. Она умная девушка, но у нее были трудные времена. Она потеряла Аттикуса, к тому же ты знаешь, что ее мать умерла, когда Бэт была практически ребенком.

– Я помню. Как ее звали?

– Марла. Бедная малютка Бэт. Мак больше не женился.

– Точно. Он всегда был таким милым. Боже, теперь, возвращаясь в прошлое, я помню, как хотела заговорить с ним о том, что я тоже одна воспитываю детей, но так и не предложила ему выпить или что-то в этом роде, потому что он такой красивый, и я не хотела подавать виду, что флиртую с ним.

– Ты была единственной женщиной в городе, которая этого не сделала, – Рэйчел рассмеялась. – Подруги звонили бы мне в приступах любовных мук, если бы он только кивнул им.

– И он больше не женился?

– Нет. Он сосредоточился на работе и дочери. Никогда не пропускал ни концертов, ни футбольных матчей. Но я знаю, что он трудолюбивый и очень славный. И он плотник-реставратор, поэтому он не захочет снести твой дом и построить новый дворец. Он не обманет тебя.

– Ты меня уговорила. Я просто надеюсь, что его загруженность позволит взять нового клиента.

– Если он не позвонит, перезвони мне. Я что-нибудь придумаю.

– Здорово! Давай поговорим позже, сходим на обед или в кино, – и Лиза отключилась, торопясь найти номер телефона Мака Уитни в маленьком городском справочнике. В прошлом году на обложке были пожарные. В этом году это был коллектив работников почтового отделения. Она заметила Робина, Вилму и Титу и улыбнулась им. Ее охватило тепло. Этот остров был ее домом, и ее вдруг охватило волнение при мысли о том, чтобы вернуть своему любимому старому дому его былую славу или хотя бы какое-то подобие прочности и красоты.

Она нашла номер Мака Уитни и позвонила, уверенная, что попадет на голосовую почту. Когда низкий приятный голос сказал: «Привет», она на мгновение испугалась. В наше время люди нечасто отвечают на звонки.

– О, привет, эм, я Лиза Холи. Мне тебя порекомендовала моя подруга Рэйчел Мак-Элени. Дело в том, что мой дом очень старый и потолок в столовой только что упал мне на голову.

– Ты в порядке?

– Что? Да, конечно. Потолок упал не весь. Но его нужно будет заменить или отремонтировать, и теперь, когда я обратила на это внимание, я вижу и другие большие и маленькие проблемы. Дом был построен в тысяча восемьсот сороковом году, и я старалась о нем заботиться, но у меня есть магазин одежды на Мейн-стрит, и он занимает все мое время. Наверное, я забросила дом.

– Значит, тебе нужен плотник-реставратор.

– Да. Пожалуйста.

– Я мог бы зайти посмотреть.

– Здорово! Когда?

– У меня есть свободное время завтра, около полудня.

– Отлично.

– Тогда увидимся.

– Подожди, мой адрес...

– Я знаю, где находится твой дом.

– О, что ж, хорошо. Отлично. Спасибо!

Лиза положила трубку и замерла, взволнованная и немного напуганная теми событиями, которые стали происходить в ее спокойной, благополучной жизни.

Мак Уитни прибыл на следующий день в половине двенадцатого.

Когда Лиза открыла дверь, она чуть не потеряла сознание, потрясенная чувственным великолепием мужчины. Как она забыла его... его... его мужественность?

– Привет, – сказал он. – Я Мак.

Он протянул ей свою большую грубую руку, немного встряхнул и сжал ее ладонь в своей.

– А я Лиза, – сказала она ему, – но ты, конечно, все это знаешь, ведь ты здесь потому, что я попросила тебя прийти, и я так благодарна. Этот бедный старый дом нуждается в большой любви. – О нет! Могла ли она сказать что-нибудь

более неловкое? Все, что она могла сделать, это не закрыть ладонью рот и не захихикать, как подросток. Две минуты с мужчиной, и она говорила о любви, а она никогда этого не делала!

– Кажется, я пялюсь на тебя, – призналась Лиза. – Просто, эм, ты голландец? Ты очень похож.

Пытаясь найти хоть какой-то смысл в своих словах, она добавила:

– Я была однажды в Амстердаме.

Могла ли она сказать что-то более безумное?

– Моя мать была голландкой, – объяснил Мак. – Но родился я здесь.

Он все еще держал ее за руку.

– А, понятно, – Лиза осторожно высвободила свою руку.

– Красивый дом, – сказал Мак.

– Ах! Да, это так. – Лиза сделала шаг назад. – Прошу. Заходи. Я покажу тебе столовую. Дом, должно быть, был великолепен, когда его только воздвигли. Он был построен в неогреческом стиле – поэтому комнаты такие маленькие, но в каждой все еще есть камин, а над дверьми сделаны эти маленькие прямоугольные стеклянные панели, небольшие окошки, в которые можно заглянуть и убедиться, не оставил ли ты включенным свет, но ты, наверное, и так все это знаешь.

Она провела его в столовую.

– Каждая комната нуждалась в ремонте, когда мы купили дом. Мы делали, что могли, но дети были маленькие... – Она не сказала «и муж ушел от меня к другой женщине».

Она одновременно застряла в прошлом и настоящем, где Мак, высокий и широкоплечий, определенно живой, стоял перед ней здесь и сейчас. Она не

могла сообразить, что делать.

– Значит, тебя явно беспокоит потолок, – сказал Мак, указывая на трещины в штукатурке и зловещие выпуклости.

– Да-да, – сказала она, возвращаясь в реальность. – Вода во время того шторма на прошлой неделе каким-то образом попала внутрь. Я не понимаю как. Как она могла попасть сюда, если наверху еще есть второй этаж и чердак?

Мак ходил вокруг, запрокинув голову, изучая потолок с хрустальной люстрой, свисающей с середины красивой гипсовой розетки, которая была в каждой из комнат нижнего этажа.

– Она не повредила розетку, – сказал Мак. – Мои люди могли бы снести потолок – будет много пыли и разруха, но если мы его не заменим, то когда-нибудь все это рухнет. Обрабатываем розетку, наложим свежую штукатурку и покрасим. И мне нужно подняться на крышу и проверить обшивку вокруг дымохода. Если ее где-то нет, значит, туда попала вода. Вода всегда найдет выход.

– О-у. Что ж, это одна из главных проблем, которую нам нужно решить. Кроме того, в столовой, я не знаю, почему я так и не дошла до этого, но в части дымохода не хватает одного или двух кирпичей, поэтому я никогда не разжигала здесь огонь, у меня не было денег на ремонт – а у нас четыре дымохода, – еще там нет заслонки, поэтому, когда порывы ветра превышают восемьдесят девять километров в час, он дует прямо в дымоход и в комнату. Я... – это странно, но вроде как работает, – я засунула туда матрас для детской кроватки. Его не видно, и я знаю, что это не решение проблемы, но это лучше, чем ничего.

– Должно быть, в доме такого размера счета за отопление просто огромны, – сказал Мак. – Заслонку я сделаю.

– О, отлично. Мою ванную, я думаю, мы должны посмотреть следующей. Она старая, и раковина когда-то была красивая, но фарфор истерся в части сливного отверстия, – почему, судорожно думала Лиза, «отверстие» такое неловкое слово? – там все стало черное, металлическое, и краны капают, что бы я ни делала, так что есть пятна...

– Вперед, Макдуф [7 - Цитата из драмы «Макбет» У. Шекспира.], – сказал Мак.

Лиза вдруг осознала, что разговаривала с ним и смотрела на него как в трансе. Как будто пока она говорила, она могла удерживать его в некой ловушке, чтобы хорошенько на него насмотреться. Лиза знала, что он хотел, чтобы она отвела его в ванную, но сначала...

– Вау, ты не переврал цитату, – сказала она. – Большинство людей говорят: «Веди, Макдуф», но ты сказал правильно – вперед! – Лиза почувствовала, что краснеет, когда произнесла последнее слово.

– Плотники тоже читают Шекспира, – улыбаясь, сказал Мак.

– О, да, то есть нет, я имею в виду, я не думала, что ты не читал Шекспира...

– Ну, не могу сказать, что читал его в последнее время. В основном я смотрел бейсбол, но видел и показы пьес в Дримлэнде. А еще я купил дивиди с «Гамлетом» Браны.

Лиза чуть не захлопала в ладоши от неожиданности.

– Разве он не прекрасен? Костюмы были великолепны.

Мак рассмеялся.

– Конечно, ты обратила внимание на костюмы.

Увидев, что Лиза стесняется, он добавил:

– Я имею в виду, из-за твоего магазина. Ты знаешь все об одежде.

– Ну, – мягко сказала Лиза, – может быть, не все.

– Бэт любит делать там покупки, когда хочет чего-то особенного, и она ни разу не разочаровалась.

– О, я рада. Как Бэт?

– Отлично. Только что получила степень магистра музейного дела в Бостонском университете. Она хочет найти работу, связанную с сохранением исторического наследия. Когда-нибудь она надеется поработать с Нантакетской исторической ассоциацией.

– Как чудесно, – сказала Лиза. – Похоже, она умная девушка. И из тех, кто знает, чем хочет заниматься.

– Да. Ты же знаешь, что ее мать умерла, когда Бэт было три года...

– Мне очень жаль.

– Да, это было ужасно. Тяжело. Мы прошли через непростые годы, но с Бэт все в порядке, – наклонившись вперед, он показал Лизе свой телефон. – Вот Бэт.

На экране была изображена красивая молодая женщина с длинными блестящими светлыми волосами и зелеными глазами, как у ее отца.

– Она прекрасна. У нее чудесная улыбка.

– Спасибо ортодонт, – пошутил Мак. – У тебя двое детей, да?

– Да, – сказала Лиза с легким стоном. – Тео ты знаешь. Он был милым ребенком, но его подростковые годы были сумасшедшими. И Джульетта.

– Джульетта на два года его старше, верно? Милая девушка.

– Мой первенец. Самая умная в семье. Сейчас она в Бостоне, работает в какой-то крупной техкомпании. Тео на Западном побережье. Там он учился в колледже, но больше занимался сёрфингом. – Лиза помолчала, вспоминая. – Мой муж ушел от нас, когда Тео было девять, Джульетте – одиннадцать. К счастью, он обеспечил нам достаточно хорошее финансовое положение. Но он действительно бросил детей. Никаких телефонных звонков, никаких визитов, никаких рождественских открыток, никаких поздравлений с днем рождения. Мы и понятия не имеем, где он сейчас живет.

– Вот дерьмо, – сказал Мак. – Извини за грубость.

– О, я называла его и похуже, – сказала Лиза. – Дело в том, что я всегда думала, что Тео был таким неуправляемым ребенком, потому что у него не было отца, который показал бы ему, как быть мужчиной. И Джульетта... ей тоже было тяжело.

Лиза провела рукой по волосам.

– Я говорю так, будто я нахожусь на приеме у терапевта. Извини.

– Не нужно извиняться. У всех проблемы в семье. Посмотрите на бедного Аттикуса Барнса. Я знал Паулу и Эда. Они отличные люди. Они знали, что у Аттикуса были приступы депрессии, но никогда не предполагали, что он покончит жизнь самоубийством. – Мак помолчал, затем продолжил: – Бэт тоже не подозревала об этом, хотя проводила с ним много времени.

– Я знаю. Тео был лучшим другом Аттикуса. Они вдвоем иногда околачивались здесь, особенно если на столе стояла тарелка со свежим печеньем. Бэт была такой милой девочкой. – Лиза посмотрела на свои руки, как будто могла найти там нужные слова. – Такое ужасное было время.

– Я помню. Ну, я не могу забыть.

– И Тео, и Бэт... после смерти Аттикуса они редко виделись. Я думаю, это было слишком тяжело. Аттикус всегда был связующим звеном в их компании. Как бы магнитом. Потом его не стало, и они разошлись...

На мгновение Лиза поймала себя на том, что смотрит на Мака, видя в нем и родителя, и красивого и интересного мужчину. Она также заметила, какие у него густые светлые волосы, какие у него зеленые глаза и каким он кажется высоким, стоя всего в метре от нее.

Похоже, он был заинтересован в ней не меньше. Его улыбка была нежной, глаза теплыми. У нее перехватило дыхание.

Но он был на десять лет моложе ее.

– О, – сказала она, пытаюсь развеять его чары, – мне нужно показать тебе ванную.

– Конечно, – сказал Мак.

Она повернулась и пошла впереди, надеясь, что он не заметил, как горят ее щеки.

Неделю спустя утром Мак пришел с парой молодых ребят, с лестницами, ящиками с инструментами и электроинструментами. Мак познакомил ее с рабочими, похожими на тяжелоатлетов.

– Это Дэйв, а это Том.

– Привет, – сказала Лиза. – Спасибо, что пришли помочь.

Мак повернулся к мужчинам.

– Хорошо. Вот и первый проект. – Он указал на потолок.

Лиза стояла рядом с ними и слушала, будто хоть слово понимала из того, о чем они говорили, пока не осознала, что на самом деле пялилась на тело Мака. Он был великолепным мужчиной, и она не хотела, чтобы он уходил. Лиза была потрясена. Она не чувствовала себя так уже давно. Да и чувствовала ли хоть когда-нибудь?

Лиза отвлеклась от своих мыслей.

– Я буду на кухне, если понадобится, – сказала она.

Но, конечно, она им была не нужна. Рабочие осторожно сняли картины со стен и отнесли их в гостиную. Они принесли в дом большие рулоны пленки и накрыли ею двери и стены, чтобы защитить остальную часть дома от штукатурной пыли. Маку что-то понадобилось, и он уехал, а Дэйв и Том установили подмости и достали свои электроинструменты.

Лиза была рада, что узкая лестница сзади дома вела на кухню. Она превратила кухню в свою комнату для хранения вещей, что было удачным решением, потому что рядом с кухней находилась застекленная веранда, и по утрам она могла выйти во двор и послушать, как просыпаются птицы.

Ее магазин не открывался до десяти – девяти, когда начиналось лето, – так что она провела час или около того, занимаясь своими финансами в ноутбуке, сидя за кухонным столом с чашкой кофе. Но присутствие мужчин в доме изменило распорядок ее дня. Было трудно складывать и вычитать, как только Мак заходил в дом. Лиза не помнила, чтобы так физически реагировала на мужчину. Она просыпалась счастливой, редко была голодной, проблемы решались легче, и это была не просто весна. Мак был великолепным, высоким, мускулистым, сильным и широкоплечим, с длинными густыми светлыми волосами, которые он собирал в низкий хвост сзади.

Ей было интересно, какого цвета волосы на его груди... и все его волосы. Он всегда носил джинсы, старую футболку и рабочие ботинки. Она фантазировала о том, как он выглядит в костюме.

Или без всего.

Конечно, Лиза знала, что было глупо думать о Маке в таком ключе. Между ними ничего не будет... но так было прекрасно помечтать.

В воскресенье утром у рабочих был выходной. Так же поступила и Лиза в свое драгоценное последнее воскресенье перед тем, как начнется подготовка магазина к летнему открытию. «Парус» взяла на себя Бэтси Мейсон. Лиза бездельничала на своем плетеном диване на крыльце, попивая холодный персиковый чай и читая роман. Ходить в библиотеку по субботам после обеда, когда Бэтси присматривала за магазином, вошло у нее в привычку и было ей только в радость. Лиза сразу же шла в отдел новой художественной литературы и просматривала книги так, будто была ребенком в кондитерской. Этим утром она разложила на плетеном столе четыре новые книги. Несколько минут она изучала каждую, решая, с какой начать, а затем снова откинулась на диване, с наслаждением принимаясь за чтение.

Она сидела без обуви, в своем кимоно, когда услышала, как открылась кухонная дверь, из-за которой появился Мак.

– Извини, – сказал он. – Я не хочу тебя беспокоить, но я хотел оставить кое-какое оборудование, чтобы парни первым же делом могли начать штукатурить завтра.

Лиза сказала:

– Все в порядке... мой бог!

Они оба посмотрели на строительные ходули в его руках. Сделанные из стали и резины, они выглядели как искусственные конечности, и в каком-то смысле таковыми и были, потому что, как объяснил Мак, ребята подгоняли их до нужной высоты, крепили к ступням и коленям и легко доставали до потолка. У ходуль были пружины для большей гибкости и резиновые подошвы, устойчивые к скольжению.

– Прямо-таки ретрофутуризм [8 - Ретрофутуризм – направление моды 1960-х гг., когда исследования космоса вдохновили дизайнеров на причудливые и «внеземные» формы.], – сказала Лиза.

– Вкусно пахнет кофе, – сказал Мак.

Какое-то время Лиза не отвечала. Он был здесь в воскресенье, когда его команды не было рядом. Он сказал, что вкусно пахнет кофе.

– Будешь? – спросила она.

– Я был бы не против, – ответил Мак. – Не знаю почему, но у меня получается отстойный кофе.

– Присаживайся, – сказала ему Лиза, указывая на стул. – Я принесу тебе чашку. Сливки, сахар?

– Просто черный.

Лиза встала, и взору Мака открылись ее обнаженные ноги, которых не было видно, пока она сидела, согнув их в коленях. Она запахла кимоно плотнее, но одежда на поясе сильно отличалась от одежды на молнии, и она знала, что Мак смотрит на ее ноги. Она взглянула на него и оказалась права.

У нее были красивые ноги.

Покраснев, Лиза проскользнула мимо него на кухню. Когда она принесла чашку, он сидел и смотрел по сторонам.

– Спасибо, – сказал Мак. – Прекрасный сад. И это место тоже прекрасно.

– Сейчас все просыпается, – сказала Лиза. Мак улыбнулся, она покраснела. – Я убираю опавшие листья и ветки. О, еще я стала опрыскивать тюльпаны. Если этого не делать, кролики съедят все цветы.

Мак молча кивнул, не сводя глаз с ее лица.

Что происходило? Был ли это тот самый зрительный контакт, о котором говорили люди?

– А у тебя есть сад? – спросила Лиза немного отчаянно.

– Наверное, можно сказать, что у меня есть двор. Когда Бэт была еще ребенком, весной мы сажали цветы и прочее. В основном я только кошу газон и поливаю старые герани в горшках.

– У меня есть несколько десятилетних гераней. Я заносу их на зимовку в дом. Скоро выставлю снаружи.

– Похоже, ты хорошо разбираешься в растениях.

Лиза пожала плечами.

– С ними легче иметь дело, чем с потолками.

Опять этот взгляд. Затем, конечно же, пробежала искра.

– Что ты читаешь? – спросил Мак.

– Новый детектив Чарлза Тодда. Ты любишь детективы?

– Очень, и триллеры тоже. Я читаю книгу Ли Чайлда сейчас.

– Да, Джек Ричер...

– Кто твой любимый автор детективов? – спросил Мак. – Я вижу, у тебя здесь новая книга Джона ле Карре.

Он повернул книгу обложкой к себе.

– Я не считаю Джона ле Карре автором детективом. Он пишет шпионские триллеры, тебе не кажется?

Пока они разговаривали, солнце медленно двигалось по небу, его свет освещал крыльцо и, с грустью думала Лиза, обнажал каждую черточку ее лица. Почему Мак здесь, думала она. Может быть, ее присутствие его успокаивало, как если бы она была любимой тетей или учительницей.

– Хочешь еще кофе? – спросила она.

– Нет, спасибо, – сказал Мак. – Что ты делаешь сегодня? На улице так тепло и солнечно. Не хочешь купить по бутерброду в пекарне «Кое-что натуральное» и съездить на Грэйт-Пойнт?

Теплота наполнила Лизу и невероятная радость... и столь же сильный страх.

– О, я уверен, ты не хочешь... – Мак прервался. – Но я хочу.

Его щеки покраснели.

– И был бы рад, если бы ты составила мне компанию. Я мог бы принести ходули и завтра. Но я зашел именно сегодня, чтобы узнать, не хочешь ли ты чем-нибудь заняться. Вдали от дома. Со мной.

Лиза встретила взглядом с Маком, и все ее тело покрылось мурашками. Она ему нравилась? Верно?

– Ну, тогда да, с удовольствием. Я принесу холодного пива и, эм, печенья... но мне нужно одеться. Минутку... – Лиза вышла из комнаты. Это все, что она могла сделать, чтобы не бежать вверх по лестнице.

Что ей надеть? Джинсы, кроссовки, мешковатый хлопковый свитер – не тот, что с V-образным вырезом, она не хотела показывать даже намека на декольте, это было не свидание, это было... что? Что это было? Может ли это быть каким-то странным образом романтичным? О, кого она пыталась одурачить? Она была на десять лет старше Мака. Он был всего лишь другом. Лиза натянула на себя спортивное бра, чтобы грудь не тряслась, когда они пойдут по мягкому песку. Свободный хлопковый свитер и стеганный жилет от «Эл-Эл Бин». Все было аккуратно спрятано.

Она поспешила вниз по лестнице.

– Извини, что так долго.

– Без проблем, – Мак придержал перед ней дверь, и они вышли на улицу.

По узким дорогам они выехали к «Майлстоун Ротари», свернули налево и помчались по Сконсет-роуд. Они свернули в сторону «Вовинета» и вскоре оказались на станции рейнджеров, которая располагалась у дороги.

Маку пришлось выпустить воздух из шин на станции рейнджеров, чтобы они могли проехать по мягкому песку до Грэйт-Пойнт. За сорок пять минут они проехали около десяти километров, и дорога была такой ухабистой, что они не могли толком говорить. Но виды нетронутого пляжа со сверкающим океаном завораживали Лизу. Кулики-сороки, зуйки и чайки носились взад и вперед над песком, и когда они наконец приблизились к Грэйт-Пойнту, они увидели тюленей, плавающих или загорающих на пляже.

Грэйт-Пойнт представлял собой полосу земли, протянувшуюся между Нантакет-Саунд и Атлантическим океаном. Течения из двух водоемов встречались с бурной силой, которая привлекала тюленей, рыбу и людей. Маяк высотой в два метра сто шестьдесят четыре сантиметра из выкрашенного в белый цвет камня впервые был построен в 1784 году для предупреждения моряков об опасных мелях. В 1986-м он был перестроен с новыми линзами и панелями на солнечных батареях, чтобы питать фонарь.

– Ого, – сказала Лиза, когда Мак остановил машину на части мыса со стороны Саунда. – Давно я здесь не была. Я даже не знала, что здесь есть тюлени.

Некоторое время они сидели, глядя через лобовое стекло на десятки, если не сотни тюленей, валяющихся на песке. Попечители установили знак, который запрещал людям приближаться к месту, где обитали тюлени.

– Время обеда, – сказал Мак.

– Хорошая идея.

Они вышли из джипа Мака, взяли корзину, холодильник с напитками и плед и пошли по песчаному склону к берегу спокойных вод Нантакет-Саунд. Расстелили плед, наслаждаясь поздним майским солнцем, довольные тем, что не было ветра, который задувал бы им в еду песок. Они сидели на пледе с корзинкой между ними, жевали бутерброды и смотрели, как агрессивные серые тюлени то поднимались, то опускались в воде, явно пытаясь решить, достаточно ли хороши люди, чтобы их съесть.

Мак сказал ей:

– Не так давно тюленей считали вредителями и убивали. Их носы привозили в город, и охотник получал по пять долларов за нос. После они были признаны вымирающим видом, и их убийство было запрещено. Теперь круг замкнулся. У нас слишком много тюленей, из-за чего рыбаки не могут поймать достаточного количества рыбы.

– Я читала, что тюлени привлекают больших белых акул, – сказала Лиза, глядя на тянущуюся кучу существ, перекатывающих друг через друга, хрюкающих и фыркающих.

– Это так. Они были замечены на мысе и вокруг острова. Забавно, как все меняется.

– Забавно, как время меняет всех нас.

В тот момент, когда она заговорила, Лизе хотелось проглотить свои слова. Она не хотела говорить о времени. Она была на десять лет старше Мака. Она была в пятом классе, когда он родился! Что она вообще здесь делала? Ее так привлекал этот мужчина, и все же ей нужно было защитить себя. Он был настроен только на дружбу.

– Ты знаешь, Тео и Бэт одного возраста. Мне исполнилось тридцать один, когда он родился. Я думаю, ты был намного моложе, не так ли?

– Мне было двадцать один, – сказал Мак. – И я был идиотом.

Лиза рассмеялась.

– Поверь мне, идиотом можно быть в любом возрасте.

– Верно. Я не имею в виду, что я был идиотом, когда женился на Марле. Я любил ее. И если бы я не женился на ней, в моей жизни не было бы Бэт.

– Расскажи мне о Марле. – Лиза смотрела в воду, давая ему возможность выговориться.

– Мне кажется, ты не была с ней знакома, – сказал Мак.

– Нет. Я тогда была в Вашингтоне. – И, как я уже сказала, я была на десять лет старше, хотела добавить Лиза.

– Так вот. Она была, ну, она была моей первой любовью. Она была хорошенькой, милой и, я полагаю, в некотором смысле, может быть, немного вела себя по-детски. Я не хочу ее критиковать. Но ей не нравилось смотреть правде в глаза.

– А остальные прямо любят смотреть правде в глаза, – пошутила Лиза.

Мак усмехнулся.

– Она все принимала близко к сердцу. Я имею в виду, например, счет за электричество. Если плата была большой, она могла расплакаться. Ей нравилось готовить, и она всегда старалась придумать что-нибудь необычное для нашего ужина, но, если что-то не получалось, она была несчастна. Даже зла – на запеканку или что-то еще.

– Похоже, она была перфекционисткой.

– Она была больше мечтательницей. Романтиком. Она была безумно счастлива, когда была беременна, хотя вся эта история с родами потрясла ее.

– Послушай, вся эта история с родами потрясает каждую женщину, – сказала Лиза.

Мак какое-то время молчал, размышляя.

– Она любила Бэт. Она была прекрасной матерью. Я не могу сказать, что наш брак был бы продолжительным. Мы были слишком молоды и, как оказалось, очень разными. Но она была прекрасной матерью. Бэт была всем ее миром.

– Ужасно, что она умерла, – тихо сказала Лиза.

– Да, – Мак откашлялся. – Но она была романтична даже в этом. Она верила, что достигла своего предназначения, дав жизнь Бэт. Она умерла дома. Через неделю она должна была отправиться в хоспис. Марла знала, что становится слабее. Она попросила меня переставить кроватку Бэт в нашу спальню, чтобы она могла быть с ней до последней минуты. Бэт сидела на краю кровати Марлы и читала ей сказки. Конечно, Бэт не умела читать, поэтому придумывала истории. Марла лежала и улыбалась, слушая сладкий голосок Бэт... – Мак вновь откашлялся. – Прости. Я давно не говорил об этом.

Лизе хотелось взять его за руку, прикоснуться к нему, чтобы утешить, но она оставалась неподвижной, не нарушая его печали.

– Но я думаю, что с Бэт все в порядке, – продолжил Мак. – Она была такой маленькой, и, я думаю, она выросла, думая, что мы были обычной семьей, мы вдвоем.

– Ты овдовел очень давно. Никогда не хотел жениться еще раз?

– Честно? Нет. Наверное, я никогда не встречал подходящую женщину. Кроме того, работать полный рабочий день и быть родителем-одиночкой нелегко.

– Я заметила.

– Точно. – Мак посмотрел на Лизу. – Ты была одна с двумя детьми. Как это произошло?

Лиза улыбнулась.

– Наверное, я тоже была идиоткой. Как и Эрих. Может быть, мы все были такими, когда нам было около двадцати. Мы познакомились в Миддлбери, поженились еще до выпуска и переехали в Вашингтон. Эрих и его отец работали в швейцарском банке, который помогал развивающимся странам. Они много путешествовали и говорили на нескольких языках.

– Звучит немного гламурно.

– Так и было, – Лиза взяла камень и лениво повертела его в руках. – Но не я. Я так и не стала тем, кем, по мнению Эриха, должна была стать.

Быстро, потому что она не хотела дойти до жалости к себе, она сказала:

– Но я провела несколько замечательных лет, путешествуя с ним по Европе во время нашего отпуска. Я увидела Париж, Амстердам, Рим и работала в Национальном музее женского искусства в Вашингтоне. И мне все очень нравилось. Потом у нас родились дети, и я перестала работать, и Эрих стал больше ездить по делам банка, а я скучала по Нантакету... как там говорят? Мы отдалились друг от друга. Мы развелись, и я совсем об этом не жалею.

– Он снова женился?

– Я так не думаю. Я гуглю его время от времени, – она засмеялась. – Но не подумай, я вовсе не сталкер.

– На сталкера ты не похожа. А вот Эрих похож на социопата, раз он не заботится о своих детях. Неудивительно, что ты не вышла замуж еще раз.

– У меня почти не было времени даже подумать об этом. Когда дети пошли в школу, я начала работать в «Вестментс», в итоге купила магазин и превратила его в «Парус». Мне нравится им заниматься, и он помог нам в финансовом плане... – Лиза прервала ход своих мыслей. – И у меня достаточно денег, чтобы отремонтировать дом.

– Это большой дом, – сказал Мак. – Особенно для одного человека.

– Да, и вправду. Но Джульетта приезжает домой на каникулы и на недельку-другую летом. Тео в Калифорнии, поэтому он не так часто бывает дома.

– Никто из них не женился?

– Нет. Они оба встречались с кем-то, конечно, но они уже достаточно взрослые, двадцать семь и двадцать пять, так что я думаю, что они еще просто не встретили своего человека.

– Думаешь, для каждого найдется подходящий человек?

Лиза подняла голову, глядя на Мака.

– Думаю, да.

– Я тоже, – сказал Мак и не сводил с нее глаз, пока они оба не покраснели.

Она должна развеять чары между ними, иначе он подумает, что она подумала, что он хотел поцеловать ее, и это было бы неправильно, особенно когда он смотрел на ее несовершеннолетнее, на десять лет старше выглядящее чем его, лицо, на которое падал солнечный свет.

– Хочешь винограда? – спросила она, протягивая виноградную кисть.

– Да, конечно, – сказал он.

Они ели виноград и смотрели на море. Через некоторое время они пошли по пустынному пляжу, подальше от тюленей и Грэйт-Пойнт. Они брели, увязая глубоко в песке, в сторону маяка, высокой каменной башни, которая отбрасывала стрелу тени на болотную траву и дикие розы. Они полускользили по песчаной дюне к океану и смотрели, как меняется свет над водой.

– Пора возвращаться, – сказала Лиза.

Когда они подняли и отнесли корзинку, плед и холодильник обратно в джип Мака, Лиза почти задышалась от осознания мужественности Мака. Его сильные ноги. Его мускулистые руки. Его руки, намного больше и грубее, чем ее собственные. Его волосы, слегка каштановые, слегка светлые, были густыми и чуть лохматыми, что делало его еще моложе.

Ей нужно было сделать прическу. Ей нужен был маникюр – и педикюр, потому что приближалось лето. Ей нужно было сбросить пять килограммов.

Ей нужно было вернуться в реальность.

Они проехали по ухабистой дороге, где мягкий песок сменялся твердым, и, наконец, добрались до асфальта. Они не разговаривали, но это было вполне естественно. Трудно было вести беседу, натываясь на песчаные колеи. Лиза была рада молчанию. Она чувствовала, что они возвращаются к нормальной жизни, где они были просто друзьями.

Мак остановился у насосов, чтобы накачать шины до нужного давления.

Вернувшись в свой джип, он сказал:

– Я беспокоюсь о Бэт.

Лиза взглянула на него.

– Беспокоишься?

– Да. Ей двадцать пять, и она никогда не приводила домой парня познакомиться со мной.

– Может быть, она встречалась с парнями, которых не хотела с тобой знакомить, – с улыбкой предложила Лиза.

– Может быть. Но, боюсь, я своим примером не смог показать ей, какими должны быть отношения. Каким должен быть брак.

Лиза кивнула.

– Я знаю, что ты имеешь в виду. Я тоже из-за этого переживаю.

– Думаешь, это когда-нибудь пройдет? Беспокойство? – спросил Мак.

– Нет. Я не думаю, что это когда-нибудь пройдет, – ответила Лиза. – Это тяжелая работа, любить кого-то. Но это то, ради чего стоит жить.

Мак взглянул на Лизу с улыбкой.

– Верно. И иногда это может быть очень весело.

И вот снова этот жар между ними. Химия. Когда они подъехали к ее дому, он помог ей донести пляжную сумку, остатки печенья и пива к кухонной двери.

– Спасибо за прекрасный день, – сказала ему Лиза. – Я чувствую, что лето почти наступило. – И застенчиво добавила:

– Мне кажется, ты немного загорел.

– И ты. Вот здесь.

Он коснулся ее щеки, и Лиза чуть не потеряла сознание.

– Тебе идет, – сказал Мак. – Что же, эм, завтра на работу. Увидимся при первой возможности.

– Да, до завтра, – согласилась Лиза.

Глава 4

В понедельник утром Лиза была в своей спальне, пытаясь решить, что надеть. Что-то непринужденное и достойное, но сексуальное. Возможна ли была такая комбинация? Ей хотелось заползти обратно в постель, свернуться калачиком под одеяло и читать. Но она уже слышала, как Дэйв и Том топали вниз по лестнице, настраивая радио на рок-станцию.

В дверь ее спальни громко постучали.

Лиза обычно ложилась спать в длинной футболке, как и сейчас. На ней не было лифчика. Ни обуви, ни макияжа, и она даже не причесалась. Лиза потянулась за своим красным шелковым кимоно. Сойдет, чтоб прикрыться.

– Входите, – позвала она, завязывая пояс.

Мак просунул голову.

– Доброе утро, – на нем были плотницкие штаны и фланелевая рубашка.

– Доброе утро.

– Я принес кофе.

– О, спасибо.

Мак вошел в комнату.

– Мы можем минутку поговорить? – спросил он, протягивая ей чашку.

– Конечно. Эм, может, нам спуститься вниз? – когда он вот так стоял рядом с ней, Лиза не могла думать.

– Давай останемся здесь. Я не хочу, чтобы Дэйв или Том могли вмешаться. Я сяду в кресло, хорошо?

Лиза рассмеялась.

– Если сможешь найти место среди одежды. Просто сбрось ее на пол.

Мак сел на стул. Лиза присела на край кровати в ожидании.

– Послушай, Лиза, я точно не знаю, как это сказать, но я хочу прояснить ситуацию. О нас, я имею в виду.

О боже, подумала Лиза. Вот оно, доброе, но твердое выяснение отношений.

– Ты мне нравишься, Лиза. Сильно. Я не знаю, что между нами происходит, но не хочу, чтобы это было на один раз. Нам весело вместе. Вчера на пляже... Мне кажется, мы подходим друг другу. Мы оба были одиноки в течение долгого времени, и... Я не говорю, что хочу серьезных отношений. Слишком рано для этого. Но я хочу, чтобы ни у тебя, ни у меня больше никого не было.

Лиза чуть не пролила кофе.

– Да, – сказала она. Он был таким красивым. Эта линия подбородка, глаза и ресницы. И его губы. – Я тоже.

Мак улыбнулся.

– Я хочу, чтобы мы выходили в свет вместе. Я имею в виду, на ужин, в кино.

– Ты хочешь встречаться, – сказала Лиза, улыбаясь. Она чувствовала тепло, распространяющееся по всему телу.

– Ну, немного больше, чем просто встречаться, – сказал Мак.

– Да.

– Я слишком стар, чтобы ходить вокруг да около, – сказал Мак. – Я хочу заняться любовью с тобой. Но не хочу торопиться с этим.

– О господи! – воскликнула Лиза, теряя самообладание. Она поставила чашку на тумбочку и встала, положив руки на раскаленные щеки. Ее лицо, должно быть, пылало в цвет ее одежды. – Мак, ты действительно...

– Прямой? Честный? Искренний?

Лиза прошла через комнату к окну, нуждаясь в дистанции.

– Да, все эти вещи. И я рада. Я благодарна. И я хочу всего, о чем ты говоришь. Но, Мак... – Лиза остановилась и собрала все крупницы храбрости, которые были во всем ее существе. – Мне пятьдесят шесть лет.

Мак пожал плечами.

– И что с этого?

– А то, что тебе всего сорок шесть.

Мак рассмеялся.

– Я не думаю, что это имеет значение. А ты?

– Вообще, да, да, я думаю, это важно. Люди будут болтать...

– Люди будут болтать в любом случае. – Мак встал.

Лиза нахмурилась. Как он мог не понимать, насколько была значительна разница в их возрасте?

– Позволь мне пригласить тебя на ужин в пятницу вечером, – сказал Мак. – «Морской гриль» должен быть открыт. Мы можем не торопиться, выпить хорошего вина и узнать друг друга получше. Хорошо?

Лизе казалось, что она сияет.

– Хорошо.

– Я пойду вниз поговорить с парнями. О работе.

– Я скоро спущусь. Мне нужно одеться. Меня немного трясет, – призналась она.

– Пей свой кофе, – с ухмылкой сказал ей Мак.

Что произошло? – подумала Лиза после того, как Мак вышел из комнаты. Она хотела позвонить Рэйчел и похихикать, как маленькая девочка. Ей хотелось петь и кружиться по комнате, как Джули Эндрюс в «Звуках музыки».

Она взяла себя в руки, допила кофе и собралась, чтобы пойти открыть свой магазин.

В конце мая было открыто не так много ресторанов, но «Морской гриль» был хорошим заведением, и Лиза надеялась, что Маку и ей дадут кабинку вместо столика. Таким образом, возможно, они могли бы уединиться. Они приехали рано, потому что им обоим нужно было работать на следующий день.

Официантка, Салли Харди, знала их обоих. Она проводила их к кабинке, и на несколько мгновений, пока Лиза и Мак устраивались, рассматривали меню и пытались вести себя как обычно во время их первого настоящего романтического свидания, они были одни. Но вскоре, как только другие посетители начали входить в ресторан, друзья и знакомые останавливались, чтобы поздороваться. Их приветствия были короткими и небрежными – как дела, погода налаживается, – но Лиза знала, что некоторые женщины начнут писать своим друзьям, как только сядут за стол.

Ей казалось, что она хорошенькая, или настолько хорошенькая, насколько это вообще возможно. Прошло много времени с тех пор, как Лиза красилась в последний раз, и ей потребовалось больше часа, чтобы нанести тональный крем, консилер, румяна, подводку для глаз, тушь для ресниц и помаду. И еще пятнадцать минут, чтобы все это стереть. В итоге она нанесла легкие румяна и накрасила губы розовой помадой.

Лиза носила аккуратное каре до подбородка. Она не хотела отращивать длинные волосы – ей же было не двадцать.

В одежде Лиза тоже была скромна. У нее было несколько блузок и легких свитеров с низким вырезом спереди, из-под которого выглядывала кружевная майка. Сегодня она надела брюки цвета хаки – а не штаны для йоги, которые носила не только дома, но и когда уходила по делам, сегодня же вечером она не хотела создать впечатление молодящейся женщины, – и светло-голубой свитер с разноцветным шарфом на шее.

Вероятно, она выглядела так, будто собиралась на родительское собрание.

Мак хорошо подготовился. На нем была рубашка на пуговицах с закатанными рукавами. Его руки были мускулистыми и покрыты тонкими светлыми волосами.

Они заказали напитки и изучили меню. Лиза заказала запеканку из морепродуктов, а Мак – стейк.

– Типично, да? – пошутил он, когда официантка ушла.

– Ты много работаешь физически, – сказала Лиза. – Тебе нужно красное мясо. – Все, что она говорила, казалось двусмысленным.

– Верно.

Какое-то время они смотрели друг на друга, поддавшись силе притяжения.

– Итак, – сказал Мак. – Как там это делается? Ты расскажешь мне о своей любимой книге, а я назову тебе свою любимую песню?

Лиза улыбнулась.

– Похоже, ты сидел в каких-то приложениях для знакомств.

Официантка принесла напитки. Мак подождал, пока она уйдет, чтобы ответить.

– Да, бывало. Хотя я никого не встречал. Я был так занят работой. Я рад, что Бэт получила ученую степень, но колледж стоит огромных денег.

– Я знаю. К счастью, при разводе мы заключили соглашение, что за обучение детей в колледже заплатит Эрих. И они оба работали летом, чтобы помочь с расходами.

– Теперь, – сказал Мак, устремив взгляд в свой стакан, – расскажи мне о том, как ты заполучила свой магазин.

Теплая волна удовольствия пронеслась внутри Лизы. Она прислонилась спиной к кабинке и улыбнулась.

– Моя мечта сбылась. Правда. Я как ребенок с коробкой, полной игрушек.

– Очень умный ребенок, – сказал Мак. – Впечатляет, как ты так долго управляешь магазином, умудряясь выплачивать огромную арендную плату на Мейл-стрит и при этом получать прибыль.

– В колледже я изучала бизнес-администрирование, – сказала ему Лиза. – Я работала на Весту Махоун и многому у нее научилась. Я выросла здесь. Я знаю цикл сезонов.

Слегка пожав плечами, она добавила:

– И мои дети уже несколько лет живут своей жизнью. Поэтому меня ничто не отвлекает от моего магазина.

Через мгновение Мак спросил:

– И ты не вышла замуж еще раз?

Лиза рассмеялась.

– Я даже больше никогда не ходила на свидания!

Подошла официантка с закусками. Они оба заказали по второму бокалу.

– Ты все это время была одна? – спросил Мак.

Лиза почувствовала, что краснеет.

– Я была так занята. Было тяжело растить двоих детей в одиночку. Кроме того, когда они оба учились в школе, я работала в «Вестментс» неполный рабочий день. А потом полный рабочий день. И затем у меня появился собственный магазин, и, казалось, я работала двадцать четыре часа в сутки, – она сделала паузу. – Я думаю, что мне не следовало работать полный рабочий день, особенно когда дети были подростками. Я должна была, могла бы, может, больше времени уделять Тео. Но они, казалось, нуждались во мне все меньше. Ну, видеть они точно хотели меня меньше. И нам нужны были дополнительные деньги. Подросткам требуется много денег. Хотя, надо отдать им должное, они оба работали летом с четырнадцати лет.

Мак спросил, нахмурившись:

– Серьезно, с тех пор ты никогда не ходила на свидания?

Лиза рассмеялась.

– Меня несколько раз приглашали на свидание. Иногда я ходила с разведенным отцом посмотреть на наших детей, играющих в спектакле, и после мы вчетвером отмечали это мороженым. Но нет, я никогда не ходила на свидания как таковые. Этот город... этот город такой маленький. Я знала, что у меня не может быть романтических отношений без того, чтобы все об этом знали, и я не хотела, чтобы детей дразнили в школе.

– Но дети выросли. Сейчас они живут за пределами острова.

– Это правда. Они живут за пределами острова уже много лет, – Лиза пожала плечами. – Наверное, я просто привыкла быть одна и мне это нравится. Я занята своими делами. Я люблю свою жизнь. Может быть, мне нравится мое одиночество. Может быть, мне нравится... не беспокоиться о присутствии мужчины в своей жизни.

– Это мы еще посмотрим, – сказал Мак.

Лиза почувствовала, как ее щеки загорелись и электрический ток пробежал по телу. Правда заключалась в том, что она прожила столько лет, не находясь под чьим-либо контролем – ни мужчины, ни женщины, кроме разве что ее семейного врача, – так что этот опыт сближения с Маком, знание того, что теперь он предлагает сблизиться – это пугало, немного. Может, и не пугало, но точно не было комфортным. И касалось не только физических вещей, таких как, например, образ ее обнаженной перед глазами мужчины младше ее. Нет, это касалось всего.

Быть осуждаемой. Недостаточно красивой, недостаточно интересной и, конечно же, недостаточно искусной в занятиях любовью. До сих пор, до этого свидания, она наслаждалась легким флиртом. Это было для нее чем-то важным, чем лестным и радостным, но когда она сидела за этим столиком на глазах у всех с Маком и его взгляд был прикован к ее лицу, которое непременно было ярко-красным, она задавалась вопросом: может ли она терпеть все это? Она могла бы пойти на попятную. Могла бы сказать ему просто и твердо, что ее не интересуют никакие интимные отношения. Ей необязательно было это делать. Что бы они ни собирались делать.

Но она хотела это сделать.

Еще одна мысль, которую она наконец произнесла вслух:

– Расскажи мне о себе.

Мак помолчал, собираясь с мыслями.

– Я родился здесь. Вырос здесь. Мой отец был плотником, и я учился у него. Мне нравятся здешние старые дома. Я ценю их. Как и ширину, и длину некоторых

досок в старых домах, которым лет двести-триста. Это просто клад. Так много подрядчиков сносят старые дома и ломают эти доски, вывозят их на свалку и строят особняки, которые выглядят так, будто им место в Вегасе. Извини, я не хочу читать тебе лекции.

– Нет, мне нравится слушать.

Мак посмотрел Лизе в глаза, изучая ее.

– Думаю, ты не врешь.

Лиза почувствовала, как ее охватывает прилив желания. Ей пришлось отвести взгляд. Но она хотела знать... ей нужно было знать.

– А как насчет твоей личной жизни?

– Хм, – он уставился на столовые приборы, снова и снова переворачивая ложку. – Хорошо. Моя личная жизнь, ну, она сократилась до двух человек, меня и Бэт.

Покраснев, он сосредоточился на ложке, как замороженный, и сказал:

– Я никогда не ходил на свидания. Я никогда не приводил в дом другую женщину. Я никогда не знакомил Бэт с другой женщиной. Но... Я не остался без женской компании.

Легкий укол совершенно неуместной ревности кольнул сердце Лизы.

– Я никогда никому не лгал, – продолжил Мак. – Никогда не обещал длительных отношений. Я прямо говорил о своей ситуации. – Он опустил голову. – И иногда, я уверен, был немного кретином. Я не хотел ничего серьезного.

Лиза ждала.

Мак снова поднял на нее глаза.

– Но это другое. Мы с тобой разные. Может быть, настало время. Может быть, ты та самая.

От его слов у нее перехватило дыхание. В то же время она представляла себе тех других женщин, тех сексуальных женщин, их волосы до талии и молодые стройные тела, их изощренные манеры... Она не хотела даже представлять, каким ее собственное тело было по сравнению с ними.

Это было настоящим благословением, когда им наконец подали ужин. Их разговор возвращался к воспоминаниям о старых ресторанах и барах, затем о магазинах, домах, эксцентричных островитянах из их далекого детства.

Мак заплатил по счету, и они вышли в холодный весенний вечер. Пока они ехали в сторону ее дома, они не разговаривали. Когда он подошел, чтобы открыть для нее пассажирскую дверь своего джипа, она спустилась и подождала, пока он закроет дверь. Мак положил одну руку на дверную ручку, а другую на кузов машины, заключая Лизу в объятия. Она откинулась назад, глядя на него снизу вверх, и он удержался на расстоянии всего нескольких сантиметров, чтобы не коснуться ее своим телом.

– Пригласишь меня? – спросил он.

Голос Лизы дрожал.

– Да. Да, Мак, заходи, я сделаю тебе еще одну чашку кофе.

Глава 5

Джульетте было двадцать семь, она жила на третьем этаже в Кембридже, штат Массачусетс, и целыми днями сидела в своем кубikle [9 - Небольшая кабинка в офисе открытого типа.], создавая веб-сайты для «Казама», крупной технологической компании с сотрудниками в двадцати семи штатах. Она возглавляла команду из семи человек, которая специализировалась на веб-сайтах, посвященных домашним животным: их здоровью, разведению и, конечно же, их потешным выходкам. Люди, которыми она руководила, жили в разных

городах, разбросанных по карте; они общались по электронной почте и скайпу. С ними было весело, но Джульетта предпочла бы веселиться с людьми в одной комнате.

За два года, что она проработала в «Казаме», у нее появилась, по крайней мере, одна хорошая подруга, Мэри, чей кубикл находился напротив ее. Мэри хотела как можно скорее заработать деньги, чтобы они со своим бойфрендом могли пожениться. Она была из большой итальянской семьи, дружелюбная, умная и практичная, и она предупредила Джульетту не связываться с их начальником Хью Джефферсом, красивым, суетливым и чертовски умным. Мэри была права.

Джульетта пережила в своей жизни немало неудачных романов, во всяком случае, немало для девушки, окончившей среднюю школу и всегда считающей, что из двоих детей в семье она – умная, а младший брат – привлекательный. Отсутствие, полное отсутствие отца заставило ее с самого начала не доверять парням, а также, как это ни странно и печально, заставило ее почувствовать, что раз она недостаточно красива и очаровательна для своего отца, то, следовательно, и для любого мужчины.

В колледже многие парни, казалось, думали, что Джульетта великолепна, но она быстро поняла, что многие из них скажут что угодно, лишь бы затащить ее в постель. Когда ей было немного за двадцать, она думала, что состоит в достаточно крепких отношениях с Дагом Манчестером, но, когда они оба подали заявления о приеме на работу в «Казам» и Джульетту взяли, а Дага – нет, он расстался с ней и переехал в Чикаго. Это было болезненно.

Последние несколько лет Джульетта заставляла себя соблюдать распорядок, который шел ей на пользу, даже если ей казалось, что она становится немного эксцентричной и одинокой. Она много работала, по субботам ходила в паб со своими подругами, бегала по пять километров четыре раза в неделю и проводила воскресенья как старая дева Викторианской эпохи, стирая белье, убираясь в своей квартире и посещая свою дорогую, трудолюбивую, одинокую маму с дежурным визитом. Она устроилась на эту работу в «Казам» отчасти для того, чтобы быть рядом с матерью на случай, если она ей понадобится.

Затем Нью-Йорк прислал Хью Джефферса на место руководителя офиса. Гениальный, нетерпеливый, критически настроенный, он был элегантен и красноречив, в отличие от ее недалекого брата и ее последнего бойфренда. В то время как все остальные мужчины в офисе носили фланелевые рубашки от «Эл-

Эл Бин» с длинными рукавами, как будто они вот-вот собирались уйти рубить лес, Хью одевался в дизайнерские костюмы с рубашками «Брукс Бразерс» с запонками. В качестве хобби он играл на фортепиано.

Мэри считала, что Хью быстро понял, кто был лучшим работником, самым прилежным, самым авторитетным, и Джульетта, ставшая его помощницей, заступалась за него, когда раздавались возгласы бунта во время его отсутствия в офисе, и всегда успешно выполняла поручения.

Джульетта считала, что Хью сначала заметил ее работу, а потом искренне в нее влюбился. Вел он себя действительно так. Когда они сидели в его кабинете и обсуждали посещаемость веб-сайта, он внезапно замолчал. Джульетта озадаченно посмотрела на него.

– Я хочу спросить тебя кое о чем, – сказал он, – и я не хочу тебя рассердить.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

44DS – парусная яхта. – Здесь и далее примечания переводчика.

2

Домохозяйкой (пер. с немецкого).

3

Sail на языке оригинала.

4

Lisa на языке оригинала.

5

Sale на языке оригинала, является омонимом к слову «sail».

6

Героиня с картины американского художника и иллюстратора Нормана Роквелла, написанной в 1943 году американским художником и иллюстратором Норманом Роквеллом.

7

Цитата из драмы «Макбет» У. Шекспира.

8

Ретрофутуризм – направление моды 1960-х гг., когда исследования космоса вдохновили дизайнеров на причудливые и «внеземные» формы.

9

Небольшая кабинка в офисе открытого типа.

Купить: https://telnovel.com/tayer_nensi/devochki-leta

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)